

**В СЕТЯХ ШПИОНАЖА,
ИЛИ
«ЧАС КРОКОДИЛА»**

**АЛЕКСЕЙ
РОСТОВЦЕВ**

Миссия выполнима

Алексей Ростовцев

**В сетях шпионажа,
или «Час крокодила»**

«ВЕЧЕ»

2011

Ростовцев А. Д.

В сетях шпионажа, или «Час крокодила» / А. Д. Ростовцев —
«ВЕЧЕ», 2011 — (Миссия выполнима)

ISBN 978-5-4484-8584-8

Контрразведка и разведка дают неисчерпаемый материал для творчества писателей и исследователей. В этой книге – жестокая правда оперативной работы, которую надо делать чистыми руками. Из соображений конспирации изменены клички агентов, установочные данные фигурантов, смещены временные и пространственные рамки событий. Все остальное – правда.

ISBN 978-5-4484-8584-8

© Ростовцев А. Д., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Начало	6
Грезы любви	9
Обязательство	13
«Ночевала тучка золотая...»	17
Бокал шампанского	24
Запрос	27
Фестивальная ракета	30
Письмо	34
Русская рулетка	37
Память	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алексей Ростовцев

В сетях шпионажа, или «Час крокодила»

© Ростовцев А.Д., наследники, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Лет сорок тому назад, когда я после окончания романо-германского отделения Ростовского университета преподавал немецкий язык и западную литературу в пединституте города Грозного, на меня положили глаз сразу две спецслужбы: ГРУ и КГБ. Очевидно, и тем и другим понадобился физически здоровый парень с нордической внешностью, владеющий немецким языком. В таких кадровых спорах обычно одерживал верх КГБ. Однако служить в чечено-ингушской контрразведке мне пришлось недолго. Не прошло и двух лет с момента моего зачисления в органы, как меня пригласили на смотрины в Москву, а через пару месяцев я был направлен за границу уже по линии разведки. В разведке прослужил ровно четверть века, из них шестнадцать лет за рубежом.

После ухода на пенсию пошел по пути, проторенному миллионами пенсионеров: занялся воспитанием внучки и наведением порядка на дачном участке. Однажды холодным осенним вечером, сидя у русской печи с валенком в одной руке и шилом, вмонтированным в перочинный нож, в другой, я вдруг вспомнил, что с этим самым ножом связана одна любопытная история. А не написать ли рассказ о нем? Задумано – сделано! К моему удивлению, рассказ вскоре был опубликован одним из московских журналов. Где-то после полутора десятков рассказов и двух повестей, когда мне уже стали платить приличные гонорары, жена сказала:

– Зря ты пошел в разведку. Наверное, из тебя вышел бы неплохой писатель.

– Не зря, – возразил я. – Если бы я не пошел в разведку, мне было бы не о чем писать.

Думаю, что я был прав. Контрразведка и разведка дали мне неисчерпаемый материал для моих литературных экзерсисов на всю оставшуюся жизнь.

В моих рассказах – жестокая правда оперативной работы, которую надо делать чистыми руками. Из соображений конспирации я заменил клички агентов, установочные данные фигурантов, сместил временные и пространственные рамки событий. Все остальное – правда. Правдив даже рассказ «Начало», хотя героем его я шуточки ради сделал никогда не существовавшего Джеймса Бонда.

Я попросил бы читателя быть снисходительным к моим героям, которым по роду их деятельности приходится поступать порой жестоко, порой цинично. Помните слова Высоцкого: «Грубая наша работа вам дарит возможность... видеть восход»? Не забывайте, что разведчик переступает не только через противника, но часто и через самого себя. И делает он это не корысти ради, а с мыслью о благе Отечества.

А. Ростовцев, полковник советской разведки (в отставке)

Начало

Билл Саймонс не считал себя неудачником. На скользком и ухабистом пути оперативного сотрудника разведки фортуна не раз осеняла его своим крылом. Случались, правда, и провалы. Последний выплеснулся на первые полосы газет вместе с фотографией Билла, запечатленного в момент проведения тайниковой операции.

Провалившихся разведчиков в зависимости от наличия или отсутствия у них влиятельных связей либо выдвигают в начальники, либо задвигают на преподавательскую работу. У Билла связей не было. Он сделал себя сам, и потому его без промедлений и колебаний слили в одну из спецшкол ведомства, которому в обозримом будущем предстояло стать самой могущественной разведывательной службой мира. Шел 1947 год – год основания ЦРУ.

Билл легко вписался в новый коллектив и засучив рукава принялся за работу, поскольку справедливо полагал, что карьеру можно сделать на любом месте. К своим воспитанникам он относился с тихим презрением, хотя все они казались ребятами толковыми и суетливыми. Ему было наплевать на то, что каждый из них, прежде чем попасть в спецшколу, прошел сквозь сотни тестов, придуманных яйцеголовыми психологами, никогда не работавшими в разведке. Он знал, что разведчика нельзя воспитать в спецшколе, как нельзя воспитать в ней поэта. Разведчиком и поэтом надо родиться. Это от Бога, а быть может, от дьявола. «Я вам покажу, супермены паршивые, чего стоит любой из вас, – думал он, – дайте только срок».

Тест, предложенный Биллом, был прост и гениален. Руководство после некоторых колебаний разрешило ему провести эксперимент.

Однажды после завтрака Билл усадил два десятка своих питомцев в автобус, предварительно отобрав у них все документы и деньги, загадочно улыбнулся и велел водителю ехать на запад.

– Куда именно? – поинтересовался шофер.

– Все равно, – ответил Билл.

Ехали долго. Останавливались дважды: для обеда и ужина. Говорили о чем угодно, но только не о предстоящем деле. В разведке так принято. Начальство само знает, когда открыть исполнителям тайну предстоящей операции и поставить задачу. Поздней ночью остановились на окраине маленького сонного городка. В салоне автобуса вспыхнул свет. Билл обвел лица курсантов испытывающим взглядом и сказал:

– Вот что, ребята, сейчас вы покинете автобус и разойдетесь в разные стороны. Через неделю каждый должен вернуться в учебный центр, имея при себе не менее пятисот долларов и документ, удостоверяющий личность. Разрешается все. Не разрешается одно: преступать закон. Пользоваться моим телефоном можно в крайнем случае. Гудбай, ребята! На вас смотрит Америка. Вылезайте-ка на дорогу, и да поможет вам Господь!

Ошарашенные курсанты молча покинули автобус, который тут же развернулся и уехал.

Прошла неделя. К концу установленного срока в шпионскую *alma mater* вернулись семнадцать изрядно исхудавших и пообносившихся подопытных суперменов. Двоих пришлось вывозить из полиции, а один так и вовсе не явился. Это был курсант под номером 007. Его Билл считал самым неспособным и питал к нему хорошо скрываемую антипатию. Никто не принес пятисот долларов, а кое-какие легализационные документы добыли немногие.

Читая отчеты своих учеников, Билл ругался и плевался. Сукины дети! Они думали не о том, как подойти к интересному объекту, как создать предпосылки для внедрения в нужные круги. Все их помыслы были направлены только на то, как набить брюхо. А где выдумка, где изобретательность, полет фантазии, вдохновение, наконец?! Один добыл деньги посредством таскания тюков, ящиков и картонных коробов с товарами на пристанях и в супермаркетах. Жалкий пошляк! Другой торговал рецептами эликсиров от импотенции и бесплодия.

Мошенник! Жаль, что тебя не упекли в каталажку! Третий принял участие в состязании любителей свиных бифштексов и одержал победу, слолав шестнадцать кусков жареного мяса, о чем получил соответствующее свидетельство – пустую бумажку с изображением поросычьей хари. Конечно, голод не тетка, но почему голодный так стремительно опускается до уровня скотины, отшвыривая интеллект в сторону, как ненужный хлам? Четвертый всю неделю вкалывал при кухне Армии спасения. Был сыт и заработал на билет до места дислокации учебного центра. Для чего же ты, полудурок, оканчивал Колумбийский университет? Пятый читал лекции о том, как одержать верх в борьбе за существование и добиться успеха у противоположного пола. Вступил в Клуб друзей белой хризантемы. Приложил к отчету членский билет клуба. Неплохо для начала, но документ без фотографии – не документ.

– Седьмой вернулся! – доложил по телефону сержант с проходной.

– Выгребся-таки, кретин! – раздраженно бросил Билл, швыряя трубку и не зная, радоваться ему или печалиться.

Этот парень, на чьем лице дебильство удивительным образом уживалось с хитростью и наглостью, ему определенно не нравился.

Он подошел к окну и оторопел от изумления. Длинный пепельный «линкольн», тихо шурша шинами, вкатился во двор и замер в десяти метрах от Билла. Из машины вышел Седьмой. На нем был отличный костюм, белоснежная сорочка и галстук-бабочка. Он выглядел как истинный джентльмен. Лениво потянувшись, зевнув и сделав несколько упражнений для разгона крови, курсант направился на доклад к шефу. Поздоровавшись, выложил на стол пачку зеленых банкнотов и водительские права, которые в Штатах вполне заменяют паспорт.

– Где ты все это взял? – спросил Билл, успевший опустить на лицо маску холода и спокойствия.

– Я трахался с богатыми старухами, сэр, – ответил Седьмой без малейшего смущения.

– Так... Рассказывай все по порядку.

– Мне очень хотелось есть. Меня прямо-таки шатало от голода. Я прошел много миль, но так и не смог добыть какой-либо пищи. И тут на пути моем возник храм, и я подумал, что это Господь дает мне последний шанс. Я вошел в церковь и, опустившись на колени перед распятием, принялся усердно молиться, прося Господа о хлебе насущном. Однако чувство голода отвлекало меня от молитвы. Я поднял голову и увидел рядом пожилую женщину в черном. Она молилась истово, страстно. Так молятся только великие грешницы, сэр. Она почувствовала, что на нее смотрят, и подняла голову. Мы встретились взглядами, и я сразу понял, что ей надо. Из церкви мы вышли вместе. Она хорошо кормила меня, а через двое суток отпустила, сунув мне в карман триста долларов. И я пошел от храма к храму, безошибочно находя среди молящихся своих клиенток.

Билла охватило чувство гадливости, и он вспомнил знаменитый постулат о том, что разведка – это грязная работа, которую надо делать чистыми руками.

– Кто подарил тебе машину?

– Вдова сенатора Кольриджа, сэр. И права тоже она достала. Это очень добрая женщина, сэр, хотя в постели суший зверь! Она обещала положить в банк кругленькую сумму на мое имя, если я буду навещать ее дважды в неделю. Вы мне позволите это, сэр?

– Не позволю. Деньги сдай в кассу. «Линкольн» будем использовать в оперативных целях. Седьмой вздохнул.

– Почему ты так осунулся? Тебя ведь хорошо кормили.

– Это тяжелая работа, сэр. Бабульки не хотели отдавать своих денег зазря.

– А сколько лет вдове сенатора?

– Лет сорок пять – сорок семь.

– Какая же она старуха, болван!

– Но мне-то она – в матери.

Билл скорчил брезгливо гримасу и покачал головой.

– Если отвлечься от этической стороны вопроса, то ты обошел всех на два корпуса, бездельник. Получишь благодарность и денежный приз. Иди отсыпайся. Отчет напишешь после...

Билл рассказал о приключениях Седьмого мистеру Филби, советнику из СИС¹. Тот смеялся от души и пожелал своими глазами увидеть будущего супершпиона.

– Чересчур атлетичен, бросок, но по личным качествам почти готовый нелегал, – подытожил Филби свои впечатления от знакомства с Седьмым. – Ничего, что у него левое ухо больше правого. Такая особая примета маскируется прической. Странное выражение лица у этого субъекта – симбиоз тупости с прохиндейством. Люди с такими лицами частенько выбиваются в президенты, премьеры или диктаторы. Непонятно, зачем его понесло в разведку. С вашего позволения, мистер Саймонс, я расскажу о его похождениях моему лондонскому приятелю, который после выхода в отставку намерен заняться сочинением детективов...

Оперативная биография Седьмого сложилась удачно. Везде, где бы он ни появлялся, его уже ждали. Противник то и дело подставлял ему свою агентуру, напичканную дезинформацией, поэтому он никогда не проваливался. У начальства Седьмой числился в маяках. Сейчас он на пенсии и заканчивает мемуары. Что же касается его литературного и киношного двойника, то тому повезло куда больше! Молодой и здоровый, он до сих пор бодро шагает по полотняным бродвеем киноэкранов, разбивая табуретки о головы чекистов и лишая невинности юных и очаровательных агентесс КГБ. Его оперативную кличку, короткую и звонкую, как выстрел, знает весь мир. Мы, русские, пока не смогли никого противопоставить ему. Штирлиц не в счет. Это герой совсем иного плана. Он – разведчик-мудрец, разведчик-философ. Думай, соображай, размышляй, дерзай, сотрудник российских спецслужб, если природа одарила тебя легким и быстрым пером. Слово за тобой!

---

¹ СИС – британская разведка.

Грезы любви

Это было так давно, что, может быть, этого вовсе никогда и не было.

Стояло ясное майское утро. Атташе советского посольства в Италии, он же оперуполномоченный римской резидентуры КГБ Коля Лиходеев битый час шлялся по Палатинскому холму, делая вид, что ему жутко интересны развалины дворца Флавиев и облупившиеся фрески на стенах дома божественной Ливии, супруги императора Октавиана. Навеки застывшее безбрежное каменное море стилей и эпох простиралось перед ним. У ног его лежал античный Форум, утыканный останками колонн, триумфальных арок, базилик и храмов. Рядом темнела мрачноватая громадина Колизея. Левее, поодаль, сиял вознесенный на стопятидесятиметровую высоту золотой крест, венчающий гигантский купол собора Святого Петра.

Коле не было дела до всего этого великолепия. Он нервно прохаживался взад-вперед, сжимая в потных руках опознавательный знак – пухлую «Стампу» за тринадцатое число, и вождельно ждал агента, который явно не спешил выходить на встречу, а это была первая Колина встреча в условиях заграницы. Уж эти мне итальянцы! Они столь же непунктуальны и необязательны, как и русские.

Почему молодому и неопытному оперу поручили проведение встречи с ценнейшим источником, который к тому же в течение долгого времени находился вне связи? Это была очередная выдумка резака, любившего алогизмы со скрытым глубинным смыслом. Расчет генерала как раз и базировался на Колиной оперативной девственности, незасвеченности. Контрразведка противника пока не принимала его всерьез и не ходила за ним стаей, подобно голодным волкам, плетущимся за медведем-шатунном в ожидании проявлений глупости или слабости с его стороны. Встреча эта не таила в себе ничего опасного. Надо было всего лишь оговорить с агентом новые условия связи, и ничего более. Опытные сотрудники резидентуры, держась в отдалении, с двух точек вели наблюдение за местом встречи, готовые в любой момент прийти на помощь. Коля видел ребят краешком глаза, и их присутствие помогало ему не впасть в панику.

Ага, наконец-то! Он сразу узнал агента по фото, имевшемуся в резидентуре: пожилой, совершенно седой человек с густыми черными бровями и лицом, изборожденным глубокими морщинами. Поблескивал значок с изображением Гарибальди на лацкане пиджака. Все было как надо. Старик остановился, ожидая, когда к нему подойдут, и Коля подошел.

– Простите меня, синьор, – сказал он. – Я иностранец. Мне все интересно в Риме. Не могли бы вы показать место, где находился Золотой дворец Нерона?

Старик смотрел на него улыбаясь.

– Это было колоссальное сооружение, синьор...

– Никколо.

– Это было колоссальное сооружение, синьор Никколо. Оно занимало все пространство между Палатином и Эсквилином. От него сохранилось только северное крыло. Теперь там музей.

Пароль и отзыв были сказаны, но старику явно хотелось поболтать, и он принялся увлеченно рассказывать:

– Вестибюль дворца был такой, что в нем поместилась статуя императора высотой в тридцать пять метров. В остальных покоях все было покрыто золотом, украшено драгоценными камнями и перламутровыми раковинами; в обеденных залах потолки были штучные, с поворотными плитами, чтобы рассыпать цветы, с отверстиями, чтобы рассеивать ароматы; в купальнях текли соленые и серные воды. Так говорит великий историк Древнего Рима Светоний... Видите эту мраморную плиту, синьор Никколо? Под нее я еще вчера вечером поло-

жил сверток. Возьмите его после моего ухода – не пожалеете... Когда дворец был закончен, Нерон заметил, что теперь он, наконец, будет жить по-человечески.

Коле стало легко и весело. Ему захотелось продолжить беседу, хотя это было вовсе не обязательно.

– А откуда Нерон любовался пожаром?

– С Меценатовой башни. Он поджег город совершенно открыто. Консулы ловили у себя в домах его слуг с паклей и факелами, но не решались их трогать. Целую неделю свирепствовала страшная огненная стихия, а народ искал убежища в каменных склепах. Кроме бесчисленных жилых построек, горели дома великих полководцев, украшенные военными трофеями, горели древние храмы, горело все достойное и памятное, что сохранилось от старых времен, а император, наслаждаясь великолепным зрелищем, пел в театральном одеянии «Крушение Трои».

– Однако он был способен на поступок, – пробормотал Коля, и агент, уловив в его голосе нотки восхищения, осекся и с изумлением взглянул на него.

Но Коля уже взял себя в руки и принялся объяснять старику новую систему связи.

Когда агент ушел, Коля еще полчаса гулял среди исторических развалин, никак не решаясь залезть под плиту. Ему категорически запретили принимать что-либо от источника, в чьей оперативной биографии было немало сомнительных моментов, подлежащих проверке. Возможна провокация, думал он, а если нет, тогда... Коля стремительно направился к плите, на глазах удивленных прохожих опустился на колени, извлек из-под плиты небольшой целлофановый пакет, сунул его в карман и почти бегом спустился к Виа Кавур, где его ждала машина. Никто не предпринял попыток задержать его.

– Идиот! – ласково сказал ему резидент, когда Коля доложил о результатах встречи. – Ты мог всех подвести под монастырь. Всех нас и страну нашу! Слава богу, что все обошлось. Пошел вон! Получишь взыскание.

Генерал развернул сверток и ахнул. Он держал в руках информацию, которой не было цены. Далекое не каждому разведчику удастся получить такую за тридцать лет безупречной службы. Генерал сам написал победную реляцию в Центр и сам отнес ее шифровальщику. Затем отыскал в кулуарах посольства Колю Лиходеева и, хлопнув его по плечу, прорычал:

– Ты схватил Бога за яйца, парень! Крути дырку!

– Я вас не понимаю, – пролепетал Коля, ошалело глядя на шефа.

– А чего тут понимать? Восстановил связь с ценным источником и сразу же получил ценнейшую информацию... А вообще так больше никогда не делай. Один раз пронесет, другой, а в третий – подзалетишь!

Резидента потянуло на лирику.

– Ты плохо знаешь Рим, – продолжал он. – Даю тебе три дня отпуска. Употребь их на знакомство с городом. Ты помнишь, где Гоголь написал «Мертвые души»?

– Думаю, что в Москве.

– Ну и дурак. Тут он их написал, тут, в Риме, в доме номер 126 по Виа Феличе, на Счастливой, значит, улице, возле площади Испании. Улица теперь называется Виа Систина, а прочее – как при Гоголе. Пойди посмотри, что есть стиль барокко, посиди у фонтана «Лодочка», проникнись... Но это завтра. А сейчас готовься к приему. Между прочим, Сильвия Бернари будет. Тебе как культурному атташе не мешало бы с ней познакомиться. Действуй, сынок! Сегодня твой день!

Коля, не чуя под собою ног, поплелся на свое рабочее место, достал из недр сейфа бутылку коньяка, шарахнул граммов сто пятьдесят, закусил конфеткой, сел и погрузился в сладостные воспоминания. Сильвия Бернари! Он еще студентом увидел ее в «Грезах любви» и понял, что никакая другая женщина ему не нужна. В свои двадцать пять лет он не помышлял о женитьбе, хотя девки висли на нем, как репяхи на собаке. Знаменитая звезда экрана снилась ему по ночам, мешала работать днем, улыбаясь со стены своей знаменитой невинно-порочной

улыбкой, будоража воображение, волнуя кровь... Коля выпил еще и отправился домой переодеваться к приему.

Явившись вечером в Большой зал посольства, он сразу увидел Сильвию. Она стояла у открытого окна и о чем-то беседовала с женой посла. На ней было очень открытое вечернее платье. Тугой корсет сделал совершенно осиной и без того тонкую талию, приподнял и без того высокий бюст. Тяжелые волосы, уложенные короной, оттягивали назад прелестную гордую головку на лебединой шее. Бриллиантовое кольцо переливалось волшебным сиянием на мраморной груди. У Коли аж дух захватило, когда первый секретарь посольства, представив его звезде, покинул их. Он принялся лопотать какую-то чушь о необходимости дальнейшего укрепления культурных связей между Советским Союзом и Италией, но мысли его были совсем о другом. Господи, спаси и помилуй, думал он, неужели эта принцесса когда-то была портовой шлюхой? Но ведь была же! От того периода ее жизни осталось только одно: низкий, хрипловатый, прокуренный голос.

– Сколько ты стбишь, Сильвия? – брякнул он вдруг ни с того ни с сего и сам ужаснулся своей наглости.

Но сегодня был его день. Актриса не плюнула ему в лицо и не ударила его, а, продолжая спокойно улыбаться одними кончиками губ, окинула юного атташе оценивающим взглядом прекрасных черных глаз, светившихся влажным блеском. А почему бы и нет? Высок, строен, красив. Голубоглазый шатен. Таких не каждый день встретишь в Италии, где мужчины от злоупотребления пивом и спагетти рано толстеют.

– Я стою миллион, – ответила она просто.

Миллион лир – это не так уж много. По тем временам – одна тысяча долларов. Сильвия Бернари, пребывавшая тогда в расцвете красоты и в зените славы, стоила гораздо больше. У ног актрисы валялись президенты, кардиналы, знаменитые гангстеры, арабские эмиры и африканские царьки, которые по одному мановению ее ручки, затянутой в тонкую душистую перчатку, готовы были осыпать кинодиву золотом, и они с восторгом делали это. Подлинная рыночная цена ее была в то время миллионов пятьдесят, однако Сильвия не стала пугать Колю астрономической цифрой, поскольку он ей понравился. Сказать же, что она не стоит ничего, ей не позволяла прежняя профессия.

На Колину беду, он накануне был назначен казначеем резидентуры и в его служебном сейфе лежало несколько миллионов лир, поэтому он спросил уже совершенно уверенным тоном:

– Когда и где?

– Через час у моей машины. На парковке слева. Светлый «шевроле».

В машине она болтала с ним, как со старым приятелем.

– Я живу на Виа дель Корсо. Это в двух шагах от фонтана Треви. Ты уже бросил в фонтан монетку, Никколо?

– Еще не бросил.

– Надо бросить. Не бросишь – потеряешь Рим.

Что ему было до Рима? Закончился его день, наступила его ночь, и в эту ночь он чувствовал себя Нероном, спалившим Вечный город, а она была его покорной рабыней, сгоревшей в огне великого пожара любви.

Утром Сильвия приготовила ему душистый кофе и, когда он допил чашку, положила перед ним пачку ассигнаций.

– Возьми свои деньги, дурачок. Разве ты не видишь, как я богата? Мне было хорошо с тобой. Возьми деньги. У тебя могут быть неприятности по службе.

– Я могу иногда навещать тебя, Сильвия?

– А вот это ни к чему. Ни одного мужчину я не любила более одной ночи. Любовь не должна становиться повседневностью, дорогой Никколо.

– Но, Сильвия!

– Чао, бамбино, сорри! – пропела она и, послав ему воздушный поцелуй, исчезла в глубине роскошных покоев.

Коля взял деньги и вышел на улицу. Он отдал миллион владельцу цветочной лавки у фонтана Треви и велел ему каждый день отвозить корзину белых роз на виллу синьорины Бернари.

– Конечно, синьор, – ответил лавочник, – но этого хватит ненадолго.

– На сколько хватит, на столько и хватит! – отрезал Коля и отправился в посольство муниципальным транспортом. Карманы его были пусты. У него не осталось монетки, которую надлежало бросить в фонтан, известный всему свету по фильму «Дольче вита». Бросить, чтобы не потерять Рим.

В посольстве Коля написал короткий рапорт о случившемся на имя шефа, а через три часа он уже летел в Москву самолетом Аэрофлота.

Начальник разведки, досадливо морщась, говорил кадровику:

– Придется докладывать в ЦК. А не доложу я, доложит Громыко. Как же он, сукин сын, отважился на такое?

– Не иначе как гормоны шибанули в башку, Владимир Александрович, – отвечивал кадровик.

– Подготовь распоряжение мне на подпись, чтоб неженатиков больше в ДЗК не направляли...

Николай же получил строгаха по партийной линии, стал невыездным и был направлен на работу в научно-оперативное управление главка. Там он и прослужил до выхода на пенсию. В коллективе ценили и уважали бывшего атташе советского посольства в Риме и немного завидовали. Ведь его же любила сама Сильвия Бернари!

Обязательство

В апреле 1945 года старший лейтенант госбезопасности Копылов выехал из Москвы в Краснодар с ответственным заданием, которое было не столько сложным, сколько щепетильным. И хотя щепетильность отнюдь не являлась семейной чертой рода Копыловых, молодого офицера это нимало не беспокоило.

За окном вагона плыл безотрадный пейзаж. Страна была разорена войной в прах. Повсюду громоздились груды битого кирпича и бесформенные глыбы бетона, из-под которых торчали искореженные металлические балки и обгоревшие деревянные стропила. В развалинах копошились люди – наши и пленные немцы. Они что-то тащили, копали, чинили. Работали споро. Наши вдохновлялись привычным энтузиазмом, немцы знали, что не видать им фатерлянда как своих ушей, пока они не восстановят разрушенного. Одно вселяло в душу радость: Красная армия, словно мстя за горечь поражений сорок первого и сорок второго, неудержимой лавиной катилась по Европе, ломая и кроша тысячелетний рейх десятками тысяч гусениц, миллионами бомб и снарядов. Одна за другой падали перед ней древние и блистательные столицы. Одни отчаянно сопротивлялись, другие осыпали русских цветами. Бои шли уже в Берлине. «Так их, так их, сукиных детей!» – с удовлетворением повторял Копылов, слушая сводки Совинформбюро. Он успел послужить в Смерше², был ранен и чувствовал себя на все сто процентов причастным к приближающейся победе.

Московское начальство разъяснило ему, что после окончательного разгрома Германии война будет продолжена иными средствами и к новой, тайной войне надо готовиться уже сегодня. Эта установка и лежала в основе задания, которое получил Копылов.

Начальнику Краснодарского управления Народного комиссариата госбезопасности он сказал, что начнет, пожалуй, с Армавирского лагеря, потому что именно там находится антифашистская школа, известная всем немцам, поднявшим руки на южных фронтах. Начальник кивнул и выделил ему симпатичную переводчицу и машину с водителем.

Маленький Армавир был разбит не лучше Орла или Курска. В руины были обращены вокзал, гостиница и жилые дома против него, главная улица, носившая имя Кирова, прилегающая к ней площадь и соседние переулки. Тут тоже повсюду работали пленные.

К началу мая Копылов с помощью местных чекистов отобрал три десятка дел на приглянувшихся ему немцев. Преимущественно это была внутрелагерная агентура, имевшая опыт сотрудничества с нашей контрразведкой и учившаяся в антифашуле.

Третьего мая Копылов явился на службу в отличном настроении, несмотря на то что накануне крепко отметил в компании смершевцев взятие Берлина. Подмигнув переводчице Вале, достал из сейфа кипу папок, швырнул их на стол и сказал:

– Ну что ж, приступим!

– С кого начнем? – весело спросила Валя.

– Тащи любого из кучи, все будут наши.

Валя сняла пилотку, поправила прическу, поводила ладошкой над столом и наугад взяла одно из дел. «Вебер Эгон, 1913 года рождения, уроженец Карлсруэ, юрист», – прочла она.

– Конвойный! – крикнул Копылов. – Давай сюда Вебера из седьмого барака!

Вскоре конвоир, оставшись за дверью, пропустил в кабинет длинного тощего остроносого немца в очках, который, вытягиваясь в струнку перед офицерами, назвал свои данные.

– Садитесь! – приказал Копылов.

Вебер неуверенно опустился на край стула. Его Копылов отобрал, можно сказать, из идейных соображений. Вебер, если верить делу, никогда не состоял в НСДАП, в свое время

---

² Смерш («Смерть шпионам») – военная контрразведка в 1943–1946 гг.

был разжалован из офицеров в рядовые за пораженческие высказывания, в плен пришел сам, в антифашуле попросился тоже сам. Еще в сорок третьем сдал контрразведке двух бывших эсэсовцев, прятавших татуировки с группой крови под зелеными армейскими мундирами с чужого плеча, за что был премирован куском сала и краюхой черного хлеба, которые съел в присутствии опера, о чем имелась отметка в деле.

Листая папку, Копылов с брезгливостью поглядывал на пленного. «И как это они дошли до Волги? – думал он. – Тоже мне, вояка! Соплей перешибешь!» И тут ему вспомнилось высказывание известного историка о том, что отдельно взятый немец в штатском никакой опасности ни для кого не представляет; страшен немец, одетый в униформу и построенный в колонны.

Копылов спросил у пленного, что он собирается делать после возвращения на родину. Вебер намеревался снова заняться адвокатской практикой, о чем честно сказал русскому. Копылов морщился. Общение с немцем было затруднено. Между ними стоял языковой барьер, а он не привык общаться с людьми через переводчика. Он задал немцу еще пару пустяковых вопросов, а затем спросил без обиняков, согласен ли Вебер помогать советским органам госбезопасности не только на территории СССР, но и на территории Германии.

Вебер помедлил немного и кивнул. Отказываться в его положении было рискованно. Он мог лишиться тех немногих тайных преимуществ, которыми пользовалась агентура Смерша.

– Скажи ему, Валя, нехай пишет подписку, – велел Копылов и начал диктовать.

Валя переводила: «Обязательство – Verpflichtung. Далее с новой строки. Я, Эгон Вебер, родившийся 20 февраля 1913 года в Карлсруэ, проживавший до мобилизации в Мюнцере по Шиллерштрассе, 12, добровольно даю согласие оказывать помощь советской разведке в любое время, когда это потребуется, и в любом месте, где бы я ни находился. Свои донесения буду подписывать псевдонимом “Мюнцер”. Об ответственности за разглашение факта моего сотрудничества с советской разведкой предупрежден. Подпись. Армавир, 3 мая 1945 года».

– Вот и все, – сказал Копылов, забирая у Вебера листок. – Условия связи будут оговорены позднее. Валя! Принеси ему второе из нашей столовки!

Через несколько минут переводчица поставила перед Вебером дымящуюся миску с макаронами по-флотски. Вебер утер рукавом обветшалого кителя нос, постоянно пребывавший на мокром месте, и начал жадно, как голодная собака, есть, давась и чавкая. Военнопленных в победном году кормили неважнецки, однако средний русский питался в то время значительно хуже.

Копылов отошел к окну, чтобы немец не видел, какие чувства отражались на его лице, и стал смотреть на развалины, которые весенняя зелень уже маскировала в защитный цвет...

Прошло тридцать лет, и однажды в мой кабинет, расположенный на втором этаже советской военной комендатуры в большом немецком городе, вошел начинающий разведчик Коля Юмашев, держа в руках папку с оперативными подборками.

– Добрый день, Алексей Дмитриевич!

– Добрый день! Садись. Что там у тебя?

– Вот сдаю дела в архив. Подпишите, пожалуйста.

Я начал быстро просматривать подборки, одно за другим подписывая постановления о сдаче дел в архив. С одним из них помедлил.

– Ленца жалко архивировать. Перспективный парень.

– Конечно, жалко. Но здесь полная безнадега. Вчера выставил нагого человека за дверь.

В грубой форме отзывался о нас.

– А что в этом конверте?

– Фотокопия подписки его отца о сотрудничестве с нами. Отец Ленца был завербован в плену, но в дальнейшем с ним не работали.

Обычная история! К агентуре, завербованной методом Копылова, никто не относился всерьез. Почти все эти люди по возвращении на родину заявили в БФФ³ о факте их вербовки советской разведкой и были тут же прощены. Случались, само собой, приятные исключения, но...

Я вынул из конверта фотокопии и усмехнулся. Третье мая сорок пятого года, Армавир! Мне очень хорошо запомнился этот день. Передвинув на школьной карте флажки, обозначающие линию фронта, я отправился домой и в ознаменование взятия Берлина совершил прыжок с крутой камышовой крыши нашей хатки, сильно повредив при этом руку, за что был нещадно порот теткой, которая заменила мне родителей, взятых войной. Было это на окраине Армавира, и шел мне тогда двенадцатый год...

– А что, отец Ленца жив?

– Недавно умер.

– Он ездил в ГДР?

– Ежегодно. У него тут куча родни: брат, племянники.

– Каковы были его взаимоотношения с сыном?

– Думаю, что неплохие. Мать Ленца давно умерла, и воспитанием сына занимался как раз он. Вместе они ездили отдыхать к морю и в горы. Он обучил Ленца всем премудростям адвокатского ремесла и завещал ему свою контору.

– Ленц еще не уехал?

– Уезжает через неделю.

– Тогда пойдешь к нему и скажи, что отец завещал ему работать на нас.

– Алексей Дмитриевич, вы шутите?

– Нисколько. Предъяви ему подпись отца и скажи.

– Алексей Дмитриевич, но это...

– Застеснялся?! Чистоплюй! И все потому, что на тебя не пикировал «мессер», когда тебе было семь лет. И ты не знаешь вкуса жмыха. И папа с мамой твои все в наличии, дай им Бог здоровья! Да немцам во веки веков не расплатиться за то, что они натворили у нас! Однако же мировое сообщество посчитало, что они должны только евреям. Остальным – дулю с маком! А между тем больше всех пострадали от них славянские народы. И они еще о реституциях взмечтали! Я им устрою реституцию! Дай сюда подпись!

Коля присмирел и протянул мне фотокопию.

– Алексей Дмитриевич, может, я сам?

– Не справишься ты! Хотя именно тебе с руки говорить с ним. Вы ведь одноклассники? Послевоенные мальчики?

– Это так.

– Ладно, – смилостивился я. – Пойдем вместе. Поучишься.

Наш агент Гендель, служивший в городской полиции инспектором уголовного розыска, пригласил Ленца в отдел виз и регистраций, придравшись к мелкой погрешности, допущенной иностранцем при оформлении пребывания в ГДР.

Ленц оказался высоким крепким парнем весьма независимого и, я бы даже сказал, ершистого вида. Чтобы он сразу не послал нас к чертовой бабушке, мне пришлось с места в карьер объявить ему, что речь пойдет о завещании его отца.

– О духовном завещании, – уточнил я, когда он сел. – Ваш отец не рассказывал вам о годах, проведенных в русском плену?

– Конечно, рассказывал. Должен заметить, что он никогда не говорил плохо о России и русских.

---

³ БФФ – контрразведка ФРГ.

– Думаю, что у него не могло быть оснований для высказываний подобного рода. Не упоминал ли он о городке Армавире на Северном Кавказе?

– Упоминал. Там отец учился в антифашистской школе, там у него был роман с русской поварихой, и там ему вырезали аппендицит.

Про аппендицит я ничего не знал, но уверенно стал развивать предложенную тему.

– Это была нелегкая операция. Запущенная болезнь на грани перитонита. Наши врачи буквально вытащили его из могилы.

– Откуда вам известны такие подробности?

– Из досье вашего отца.

Он удивленно поднял брови. И тут я положил перед ним подписку покойного Вебера. Подобные документы обычно производят впечатление разорвавшейся бомбы. Не давая Ленцу опомниться, я продолжал:

– Когда ваш отец вернулся из плена, он был беден как церковная мышь. Мы помогли ему открыть адвокатское бюро и помогли в дальнейшем, когда ему приходилось туго. Его заслуги перед советской разведкой трудно переоценить. Под скромной личиной провинциального адвоката скрывался гений разведки. Многие крупнейшие скандалы века связаны с его именем, но об этом никто никогда не узнает. Тридцать лет мы рука об руку боролись вместе против фашизма и милитаризма, охраняя мир на земле, но только когда его не стало, мы почувствовали всю невосполнимость утраты. Мы низко склоняем головы перед его памятью.

– Вы хорошо знали отца? – спросил Ленц, поднося платок к глазам.

– Когда я говорю «мы», то имею в виду не себя, а нашу очень солидную и всемирно известную фирму.

– Вы говорили о каком-то завещании.

– Разве отец ничего не успел сказать вам об этом? Мы ему позволили, потому что давно знаем вас как человека, которому можно доверить любую тайну.

– Он ничего не говорил мне.

– Значит, не успел. На последней встрече с нами он сказал, что после смерти его место в наших рядах займете вы.

Ленц помолчал с минуту, опустив голову, потом спросил:

– Я должен написать такое же обязательство?

– Да, – ответил я и начал диктовать ему подписку о сотрудничестве.

Когда мы с Колей возвращались на службу, мой юный коллега поинтересовался:

– Алексей Дмитриевич, если бы у вас был сын, вы порекомендовали бы ему пойти в разведку?

– Ни в коем случае, – ответил я. – Оперативные сотрудники разведки мало живут. Их средний возраст сорок семь лет.

– Это единственная причина?

– Единственная.

Коля стушевался и на всем пути до комендатуры не проронил больше ни слова.

«Ночевала тучка золотая...»

Это было лет сорок тому назад. Я служил тогда в Нефтегорском областном управлении КГБ, и стаж моей работы в ЧК исчислялся не десятилетиями, а месяцами. Однажды меня вызвал начальник отдела полковник Прядко и велел составить справку по архивному делу «Суржа».

– Даю тебе две недели, – сказал он. – Не управишься, прибавлю дня два-три, но не больше.

– Зачем мне столько? – удивился я. – Завтра справка будет у вас на столе.

– Нэ кажи гоп, – хохотнул полковник. – И запомни: самонадеянность не украшает чекиста.

Он протянул мне подписанное им требование на получение дела в архиве и погрузился в чтение длинной шифровки из Центра. Я повернулся через левое плечо и покинул руководящий кабинет. В архив спустился вприпрыжку, насвистывая марш Радамеса. Во мне кипела жизнь. Мне было двадцать четыре года, и на здоровье я не жаловался.

Архивариусу – старику Семикову понадобилось менее минуты, чтобы испортить прекрасное мое настроение.

– А где мешки? – спросил он.

– Какие мешки?!

– В деле, между прочим, тридцать семь томов. Так что иди за мешками.

Я принес мешки и перетаскал все тома в свой сейф, после чего с головой зарылся в дело, которое оказалось более увлекательным, нежели любой из романов, читанных мною доселе. От пожелтевших страниц тянуло гарью пожарниц и порохом. Десятки жутких историй сплелись в один кошмарный клубок. Агентурные сообщения, свидетельские показания очевидцев, справки оперработников – все эти документы сурово и беспристрастно повествовали о кровавом пути банды Хасана Исрапилова, орудовавшей в горах Таркистана в годы войны. Попади многотомная «Суржа» в руки опытного беллетриста, тот, возможно, написал бы на ее основе роман похлестче «Тихого Дона». Мне роман не потянуть. Поэтому попытаюсь воскресить в памяти и предать огласке лишь отдельные, наиболее яркие эпизоды бандитской эпопеи...

Кавказская лесная чащоба мало походит на чащобу средней полосы. Крутизну высоких холмов густой зеленовато-серой массой укрывают тянущиеся к солнцу длинные побеги дубняка, орешника, боярышника, кизила, шиповника, карагача. Над подлеском там и тут возвышаются пышные кроны буков, чинар, дубов, ореховых деревьев и диких груш. По мере приближения к небу листовенные породы сменяются хвойными. Над горными джунглями царит птичий рай, внизу – полумрак, сырость, скользкие звериные тропы, усыпанные полусгнившей листвой. Здесь комфортно чувствуют себя вепрь, рысь, медведь, шакал, змея и человек, если он абориген. Чужаку тут не протянуть и суток.

Два горца, пожилой и совсем еще юный, оба сухощавые, жилистые, ловкие, осторожно, стараясь не шуметь и не пораниться о колючий кустарник, спускались по склону лесистой горы на дно глубокой балки, где, поблескивая сквозь сучья темной голубизной, покоилось небольшое озерцо, холодное, как сердце красавицы, и бездонное, как ее глаза.

– Не спеши, Арби! – учил Абубакар племянника. – Ты должен не идти, а стелиться над землей так, чтобы ни один сучок не хрустнул под твоей ногой. Слышишь, сойка кричит? Это она рассказывает зверью о том, что мы идем.

Арби мельком взглянул на дядю и еще раз ужаснулся тому, как здорово тот похож на человека с объявления на нефтегорском рынке.

– А может быть, сойка рассказывает нам о приближении крупного зверя? – сказал он, улыбаясь и снимая с плеча берданку, заряженную жаканом.

Будто в подтверждение его слов, мимо них метрах в пятидесяти с шумом и треском пронесся полосатенький выводок диких поросят. Мелькнула в высокой траве массивная черная туша кабанихи-матери. Арби не стал стрелять, а Абубакар даже ружья не снял. Им нужна была благородная дичь, и они продолжили свой путь к озеру. Абубакар сосредоточенно молчал, прокладывая в зарослях дорогу себе и племяннику. Арби шел за ним след в след, а мысли его были все о том же объявлении, обещавшем сто тысяч рублей за голову неуловимого Хасана.

Исрапилова знал в лицо весь Таркистан. Он всегда и повсюду был первым, потому что любил быть первым. О нем рассказывали по радио и писали в газетах как о первом пионере, первом комсомольце, первом коммунисте. Когда Хасан стал первым врагом народа, о нем мигом забыли, а когда стал первым политбандитом, метившим в имамы всего Кавказа, вспомнили снова. Звездный час Хасана Исрапилова пробил летом сорок второго, когда немцы вплотную приблизились к Нефтегорску. Бандповстанческое движение в горном Таркистане набирало силу по мере продвижения вермахта в глубь Кавказа. Исрапилов видел себя наместником фюрера в бывших горских республиках. Он основал национал-социалистическую партию кавказских братьев, о чем сообщил Гитлеру в личном послании. Фюрер отреагировал незамедлительно. Исрапилову было присвоено звание полковника немецкой армии, а советником к нему направили кадрового сотрудника абвера полковника фон Штубе. Последний по прибытии в Таркистан поначалу соблюдал все академические правила конспирации: обосновался под самым небом в конспиративной пещере, велел своим подручным разработать графики проведения явок, пароли, подобрать места для закладки тайников. Однако со временем, убедившись в исключительной лояльности местного населения, видевшего в нем чуть ли не посланца Аллаха и потенциального избавителя от русского ига, обнаглел и стал среди бела дня совершенно открыто разгуливать по улицам райцентров. Погубила его вера в благородство таркинского народа, но об этом позже.

Юному таркинцу Арби было в высшей степени наплевать на все вышеизложенное. Ему хотелось иметь велосипед, изящный, сверкающий никелем, пахнущий металлом, резиной и хорошо выделанной кожей. Велосипед стал главным героем его снов, голубой мечтой, манией. Сотни раз он видел себя подъезжающим к нефтегорскому рынку не на скрипучей повозке, запряженной старым плешивым ишаком, а на велосипеде с притороченной к багажнику бараньей тушей. Резкие трели звонка заставляли прохожих поспешно расступаться перед ним, а барышень – бросать на него восхищенные взгляды. Но велосипед стоил дорого, а денег, даже малых, у Арби не водилось. Многочисленные родственники, такие же безденежные, как он, внушили ему с малолетства, что разбогатеть честным путем невозможно. Гены предков-абреков, подкарауливавших богатых купцов в придорожных кустах, бродили в нем, мутя рассудок и побуждая хвататься за кинжал при виде вероятной добычи, однако налет цивилизации, возникший как следствие семилетнего пребывания в советской школе и осевший в недрах сознания мономолекулярным слоем, пока не позволял преступить запретную черту. Арби шел след в след за дядей Абубакаром, тупо глядя на его спину, терзаясь и горько сожалея о том, что дядя как две капли воды похож на великого воина Аллаха Хасана Исрапилова, объявившего джихад неверным.

Вскоре они достигли озера. Им было недосуг любоваться открывшимися красотами, да они и не могли воспринимать как нечто необычное и достойное восхищения то, что видели вокруг. Все это они знали, как знают собственный двор. Это были их земля, их горы, их лес, их озеро. Они обитали тут с момента появления на свет и давно стали частью этого девственного мира, не склонного к самолюбованию, а потому вдвойне прекрасного.

Берега у озера были крутые, но кое-где они осыпались, образовав пологости. К этим пологостям и вели все звериные тропы. По ним животные спускались с гор на водопой. Абубакар и Арби затаились в кустах метрах в двадцати от мокрой полянки у воды, хранившей следы многих копыт и лап. Не прошло и полчаса, как на полянке появилась косуля. Легкая и гра-

циозная, она не стала пить, а замерла, как изваяние, у самой воды. Подняв голову, она ловила ветерок трепещущими ноздрями. Что-то косуле не понравилось. Почуввав опасность, она вся напряглась, подобралась, чтобы прыгнуть обратно в лес, но в это мгновение прогремели два выстрела. Косуля и Абубакар упали одновременно, забившись, задержавшись в предсмертных конвульсиях. Дядя стрелял в косулю, племянник стрелял в дядю.

Арби несколькими ударами кинжала отделил голову Абубакара от тела. Это была его первая голова, поэтому он сильно нервничал, руки его дрожали, и с одного удара не получилось: мешали шейные позвонки. А тут еще полуметровая форель выплеснулась из воды и, блеснув на солнце, подобно клинку сабли, с шумом плюхнулась в озеро. Рыба сильно напугала Арби. Она все видела. Однако Арби успокоил себя, подумав о том, что форель ничего никому не сможет рассказать. Недаром говорят: нем как рыба. Светлая кровь затухающими толчками хлестала из обезглавленного тела. Из головы крови вытекло немного, и была она почти черной. Арби засунул за пазуху трупа плоский пятикилограммовый валун и спихнул тело с кручи. Озеро, плотоядно булькнув, приняло его в свое бездонное лоно. Арби засыпал кровавую лужу толстым слоем земли, забросал галькой и трухлявыми сучьями, оружие убитого и его папаху спрятал в укромной расселине среди скал, голову Абубакара положил в мешок, предварительно швырнув туда большую охапку крапивы. Крапивой горцы в жаркие дни перекладывают свежую рыбу, чтобы она не протухла в одночасье. Мешок с головой засунул в дупло мощного дуба, заслонив свой трофей от зверья и хищных птиц толстыми ветками. Одежда его была в крови, но это не смутило Арби. Ввалив косулю на плечи, он направился в сторону родного аула. Пусть люди думают, что на нем кровь убитого животного. Родственники спросят, где дядя. Он скажет, что они с Абубакаром у озера разошлись в разные стороны, решив охотиться порознь, и каждый пошел к своей засидке. Вероятность добыть зверя таким образом удваивалась. Убив косулю, он стал звать Абубакара, но тот не откликнулся. Конечно, дядю будут искать. Не найдут – успокоятся. Решат: кровник убил. Такое в здешних местах не редкость. Еще Арби думал о Боге. Дядя Абубакар был веселым человеком, он потихоньку богохульствовал, когда они оставались одни. Все люди, говорил Абубакар, молят Аллаха о том, чтобы он ниспослал страшные беды на головы их врагов, и каждый народ молит Аллаха о том, чтобы он ниспослал страшные беды на соседние народы. Поэтому Аллах решил никому не помогать и никого не карать. Он плюнул на дела земные и занялся делами небесными. Молится же человек для того, чтобы успокоить замутившуюся душу. Тут Арби вспомнил, что пришло время творить намаз. Он положил косулю на землю, расстелил рядом куртку, замаранную кровью, разулся, встал на импровизированный коврик, повернулся лицом в ту сторону, где, по его разумению, находилась Мекка, опустился на колени, сложил ладони и, коснувшись лбом травы, принялся истово молиться...

Вечером того же дня заместитель начальника отдела «ББ»⁴ Нефтегорского управления НКВД⁵ старший лейтенант Прядко доложил начальнику отдела капитану Рубакину о последнем «подвиге» Исрапилова. Банда кандидата в имамы Кавказа напала минувшей ночью на большой аул Рахманюрт. Председатель сельсовета, коммунисты и активисты с семьями успели укрыться и забаррикадироваться в здании школы. Оттуда они вели редкий огонь из единственного нагана и охотничьих ружей, не подпуская бандитов к своему убежищу. Председатель послал сына, двенадцатилетнего пацана, в райцентр за подмогой. Бандиты поймали мальчишку и притащили его к своему главарю. Ребенка нещадно били, но он молчал и на глазах нукеров Исрапилова проглотил записку отца. Хасан не колеблясь вспорол кинжалом животик мальчика, чтобы прочесть записку, а когда у защитников школы кончились патроны, сжег ее вместе с председателем, коммунистами и активистами.

– Зверье! – со злостью процедил сквозь зубы Рубакин. – Поймаю, спалю живьем!

⁴ Отдел «ББ» – отдел по борьбе с бандитизмом.

⁵ НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

– Ты сначала поймай, – засмеялся Прядко.

Они были неразлучными друзьями, эти два совершенно разных человека: гремучий холерик Рубакин, у которого за душой не было ничего, кроме детдома и ШРМ⁶, а в душе полыхала одна лишь ненависть к врагам Отечества и советской власти, и ироничный строгий аналитик Прядко, выпускник Московского иняза, прочитавший уйму полезных, бесполезных и даже вредных книг. Рубакина в Нефтегорске знали с малолетства, а Прядко был пришлый. О нем в управлении болтали, будто его поперли из разведки то ли из-за скандальной пьянки, то ли из-за очень красивой бабы. Однако все это было чистой воды вымыслом. Он действительно служил в разведке и готовился в нелегалы для заброски в тыл противника, но был снят с подготовки ввиду неизбежности провала: у него не ладилось с фонетикой. По-немецки Прядко говорил вполне бегло, но славянский акцент прорывался повсеместно. С этим нельзя было ничего поделывать, и его бросили «на укрепление» в Нефтегорскую ЧК.

– И чего им, б... , не хватает?! – продолжал Рубакин. – Грамоте их научили, от трахомы, сифилиса и туберкулеза вылечили, электрический свет зажгли, ссать стоя научили, а они все туда же...

– Мечети взорвали, мулл постреляли, – встрял в его монолог Прядко.

– Так то ж был оплот контрреволюции!.. А ты таркинца не защищай. Узнаешь его поближе – примешь мою сторону. Это мы все совестью маемся: то нехорошо, это нехорошо, то нельзя, это нельзя. А он, коли захочет есть, отнимет кусок хлеба у ребенка, сожрет его и будет сыт. И никаких тебе угрызений, потому как зверь он, притом зверь безжалостный, коварный, хищный, и обходиться с ним надо по-звериному.

– Вот-вот, – снова возник Прядко. – На этой неверной посылке основана вся твоя порочная теория. Никому нельзя навязывать насильно своей правды, своего счастья. Неизбежно получишь противодействие, равное по силе действию. В соответствии с законом Ньютона... Ехал я сегодня в троллейбусе на работу и слышал интересный такой разговор. Русская женщина ругалась с таркинкой. Мы вам, говорит русская, университет построили, больницы, дома культуры, лампочку Ильича зажгли, троллейбус пустили, а вы нас ненавидите. Таркинка ей в ответ: мы бэз этат ваш гавно тры тышшы раз лучшэ жылы. Забырай свой нырсытэт, забырай свой тарлэйбус, забырай свой лэтрычэство и катыс атсуда!

– Говоришь, нельзя никому навязывать силком своей правды? – перебил друга Рубакин. – Не бывает правды, общей для всех. У каждого класса своя правда, у каждого народа своя правда. Чья правда верх возьмет, тот и на коне!

Зазвенел телефон. Рубакин снял трубку, послушал и весело оскалился.

– Пошли в дежурку. Голову принесли.

– Да ну?! – изумился Прядко.

– Вот тебе и да ну!

– Ведь мы оценили голову Исрапилова всего в десять ящиков водки!

– Или в четыре коровы. Пошли, пошли!

В дежурке было полно народу. У двери, робко и застенчиво улыбаясь, стоял симпатичный парнишка-таркинец. На вид ему было не более шестнадцати лет. В дальнем углу, у сейфа дежурного офицера, лежала на окровавленной мешковине бородатая голова. Выпученные глаза ее с жутким безразличием смотрели на сбежавшихся со всего управления оперов. Рубакин несколько секунд разглядывал голову Абубакара, после чего вынес заключение:

– Вроде бы он. Во всяком случае, похож здорово.

Приблизившись к голове, осторожно раздвинул синие губы большим и указательным пальцами правой руки, в то время как левой придерживал страшный трофей за волосы.

– А ну, посветите кто-нибудь ему в рот фонариком!

---

⁶ ШРМ – школа рабочей молодежи.

Луч фонарика осветил два ряда отличных зубов. Лицо Рубакина искажилось яростью. Он подбежал к таркинцу и схватил его за грудки обеими руками:

– Говори, сучонок, кого зарезал!

Арби молчал. Рубакин шарахнул его о косяк, а когда парнишка опустился на пол, наподдал еще ногой.

– Говори, паскуда!!!

Плача и путаясь в соплях, Арби рассказал все как было.

– В подвал его! – велел Рубакин. – Утром разберемся с ним. И расстрелять ведь нельзя! Несовершеннолетний.

Он устало поплелся в свой кабинет. Прядро последовал за ним.

– Ты как его опознал?

– У Исрапилова зубы вставные, а у этого все свои. Хасановы зубы я вот этим самым кулаком лично высадил на допросе в тридцать восьмом.

– Что же вы его тогда не пустили в расход?

– Так он же сбежал.

– Сбежал?! Отсюда?!

– Ну да! Был у нас такой следователь Козлов. Хороший мужик, но растяпа. Так он этого Козлова оглушил следственным делом по башке и выпрыгнул со второго этажа в Суржу.

Прядро выглянул в окно. Внизу, в крошечной темноте, раздраженно урчала, спотыкаясь о валуны, быстрая горная речка Суржа. Прядро подумал, что норовом она походит на таркинца. Сейчас на дворе стоял август, и кто бы мог поверить, что в июне, в период таяния снегов, эта самая Суржа с ревом волокла к Тереку вырванные с корнями деревья, камышовые кровли бедняцких жилищ и трупы домашних животных. Одна из стен здания Нефтегорской ЧК обрывалась прямо в воду. Эта сырая замшелая стена была сложена из огромных каменных блоков. Вид она имела мрачный, угрюмый даже. Да и все здание не отличалось приветливостью, хотя его выкрасили в белый цвет. Было оно приземистым, подслеповатым. Окна первого этажа, забранные в толстые стальные решетки, постоянно напоминали перепуганным обывателям о пятидесятой статье, чудовищных сроках и длиннющих этапах. А ведь до революции здесь размещалось что-то вроде культурного центра. Тут можно было хорошо выпить, закусить и в картишки перекинуться. Отдельные «нумера» с веселыми девушками тоже имелись. Старый бардак царских времен привлек чекистов своей неприступностью. Его метровой толщины стены могли выдержать любую осаду, а воды было сколько угодно прямо под окнами.

– Ну, Козлов очухался и сиганул вслед за ним, – продолжал свой рассказ Рубакин. – Плынут они, а мы выскочили на берег и шмаляем из тэтэшников. Своего убили, а бандит ушел.

– Черт знает что! – изумился Прядро. – Это, значит, могила того самого Козлова в сквере у моста?

– Его, его. Геройски погиб при исполнении служебных обязанностей. Так сообщили родственникам и общественности. А нам всем, кто стрелял, кому по строгачу, кому по служебному несоответствию, кого уволили.

Снова зазвонил телефон.

– Еще одна голова, – ухмыльнулся Рубакин, выслушав доклад дежурного. – Пойдем глянем!

Новую голову он приветствовал почти весело, как старую знакомую:

– Так это ж итумкальский завмаг! Хороший был человек! Ворюга, правда, но гостя принять умел! Мир его праху и пусть земля ему будет пухом!

Мельком окинув взглядом здорового сорокалетнего башибузука, заросшего волосами до такой степени, что лицо под ними даже не угадывалось и только черные глаза-уголья посверкивали среди растительности, Рубакин бросил коротко:

– И этого тоже в подвал!

Уже в кабинете расслабился, позвонил в буфет и попросил два стакана чаю с лимоном. Через три минуты буфетчица Зоя поставила на его стол два наполненных до краев стакана с коньяком, а рядом положила две шоколадки. Рубакин хлопнул Зою по крутому заду и пообещал выдать ее замуж за хорошего человека, когда закончится война и если удастся дожить до победы. Друзья выпили и закурили. Ночь только начиналась, и было еще неизвестно, чем она завершится. Они работали по ночам, потому что Сталин был совой, а спали днем после обеда. По такому распорядку функционировал тогда весь управленческий аппарат гигантской империи, и никто не сомневался в том, что жить иначе невозможно.

– Спать хочется, – сказал Рубакин, мотая головой, и, неожиданно впад в лирику, добавил: – Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана... Хорошо, а? И чисто как! А мы в крови и в говне по шею. Но по-другому разве можно?! Не делают в перчатках революцию!

– Как думаешь, возьмут немцы Сталинград? – спросил Прядко.

– Может, и возьмут, но России им не взять. Кишка тонка. Да и выдохся уж фриц. По сводкам чую. А ты как думаешь, усмирим мы с тобой таркинцев?

– Побьем немцев, они сами усмирятся. Только жить нам вместе будет еще труднее, чем до войны. *Westen ist Westen und Osten ist Osten, und sie kommen nie Zusammen.*

Киплинга Прядко зачем-то процитировал по-немецки. Рубакин сделал ему замечание:

– Чего лопочешь не по-нашенски?!

– Я говорю, что Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и они никогда не сойдутся.

– Это уж точно, – согласился Рубакин.

Он заказал Зое еще по полчая, а когда принесли третью голову, даже не захотел взглянуть на нее. Послал к дежурному опера и распорядился утром снять все объявления, сулившие сто тысяч за голову Исрапилова...

После разгрома немцев под Сталинградом банда Исрапилова стала таять как сугроб в апреле. Сподвижники Хасана разбежались по аулам, принимая мирное обличье. Весной сорок третьего года остатки некогда огромной банды были окружены батальоном внутренних войск и полностью уничтожены. Главарю едва не удалось вырваться из кольца, но на его пути возник Рубакин. Они молча стояли друг против друга на краю неубранного кукурузного поля, и каждый читал в глазах противника ненависть, одну только лютую ненависть. Две очереди слились в одну. Оба повалились на землю ничком голова к голове, ломая сухие кукурузные стебли и обильно оросив пожухлую прошлогоднюю траву горячей алой кровью. Когда Прядко с солдатами нашел их, кровь еще дымилась, и от ее запаха одного из молодых бойцов стошнило. А Прядко смотрел на мертвого друга, и в голове его ни с того ни с сего вдруг всплыли стихи великого поэта и храброго воина о золотой тучке, ночевавшей на груди утеса-великана. Потом он вспомнил, что эти стихи любил покойный. Приехал оперативный фотограф Коля Маркушин и попросил усадить всех убитых бандитов под длинную изгородь, сложенную из крупных гольшей. Бандитов было много, и фотографу пришлось щелкать затвором около десятка раз. В лаборатории Коля изготовил фотографии, склеил их в одну ленту, полученный панорамный снимок сложил гармошкой и засунул его в большой конверт, который стал предпоследней страницей дела «Суржа». А последний лист подшил к делу Прядко. Это было постановление о сдаче групповой разработки «Суржа» в архив. Разрабатывать было больше некого, ибо все основные фигуранты были физически уничтожены. «Хранить вечно как представляющее историческую ценность», – написал Прядко в заключение, а архивариус Семиков, в то время совсем еще нестарый человек, перенес красным карандашом последнюю фразу постановления на обложку дела и водрузил все тридцать семь томов разработки на соответствующую полку.

Еще раньше пятеро бандитов повязали полковника фон Штубе и его подручных, привезли их в Нефтегорск и сдали в ЧК. Предательством таркинцы хотели купить себе жизнь. Всех их расстреляли вместе под одним забором...

Когда я положил справку по делу «Суржа» на стол начальника, тот, хитровато подмигнув мне, сказал, что она ему не нужна, поскольку он и так все помнит наизусть.

– Зашей ее в папку для учебных материалов, – сказал Прядко. – Пускай молодежь читает да набирается ума-разума.

– А что, товарищ полковник, – спросил я, – были и другие банды?

– Конечно, были. Немцы поддерживали с ними теснейшие контакты. Оружие им сбрасывали на парашютах, советников слали. Но не это переполнило чашу терпения союзной власти. В 1941–1943 годах таркинцы-призывники в большинстве своем дезертировали и уходили в горы к бандитам. Объективно Таркистан стал пятой колонной Гитлера на Кавказе. А вообще Гитлер считал таркинцев недочеловеками и планировал их полное уничтожение после разгрома России. Таркистан он хотел превратить в зону отдыха для раненых и уставших воевать солдат вермахта...

В феврале 1944 года таркинцев выселили за Урал. «Определите им такое место жительства, чтобы там не было ни одной горы», – велел Сталин. Это указание вождя было исполнено неукоснительно. Полумиллионный народ перекочевал в казахские степи за пару суток. В ходе выселения у таркинцев было изъято двадцать тысяч стволов огнестрельного оружия, из них пятьсот автоматов и пулеметов. Еще столько же они успели завернуть в промасленные тряпки и зарыть в землю до лучших времен. Таркинское начальство вместе с чекистами ездило по аулам и уговаривало сограждан не оказывать сопротивления. «Мы предали Россию и должны понести наказание», – говорили отцы нации. За это Берия дал им отдельный поезд, разрешил взять с собой необходимые вещи, пообещал квартиры и хорошую работу в Алма-Ате. Таркистан стал русской областью, и в нем на полвека воцарилась правда Рубакина. В период четвертой русской смуты таркинцы вернули себе земли предков и отомстили русским самым зверским образом. Снова на этом клочке кавказской земли победила правда Ибраилова.

Таркистан на карте мира можно накрыть копеечной монетой. Когда Россия окрепнет, она наступит на него солдатским сапогом и на таркинской земле опять одержит верх правда Рубакина. Так будет продолжаться до тех пор, пока на планете нашей не восторжествует одна правда, общая для всех.

Бокал шампанского

В истории разведки много драматических эпизодов, иногда с трагическим исходом. Разведка часто ломает и корежит человеческие судьбы, а порою убивает, сама того не желая. О таких эпизодах разведчики предпочитают помалкивать, между тем как из самых неприятных историй следует извлекать уроки, которым отнюдь не возбраняется быть публичными.

В один из погожих сентябрьских дней 197... года молодой инженер Дитер Крюгер выехал из Мюнхена в свою первую заграничную командировку. Фирма поручила ему ответственную работу – монтаж своего электронного оборудования на одном из крупных предприятий ГДР.

Голубой «фольксваген-жук» весело бежал по широкой ленте автобана. Остались позади пограничный КПП и сказочно прекрасная Тюрингия с Айзенахом, Веймаром, Бухенвальдом и бесчисленными развалинами замков-бургов на высоких лесистых холмах. Впереди в полуденном мареве загадочно маячил абрис огромного незнакомого города. Над готическими шпилями царили девятиметровый каменный колокол монумента, сооруженного в память о Битве народов, и скошенный кверху небоскреб университета, который современные бурши окрестили «зубом мудрости». По пивнушкам этого города шатался некогда юный студент Гёте, а Мефистофель, вскочив однажды в подвальчике Ауэрбаха на бочку с вином, спел знаменитые куплеты про золотого тельца, царящего во всей вселенной, и про людей, гибнущих за металл. В одной из церквей тут много лет служил органистом великий Бах. О том, что Ленин напечатал в Лейпциге первый номер «Искры», Дитер не знал, потому что в Высшей технической школе Аахена получил сугубо буржуазное воспитание и образование.

Заняв бронированный фирмой номер в «Интеротеле», Дитер спустился с высотных этажей и вышел на улицу, очутившись сразу в пестрой шумной предьярмарочной толпе. Впереди был целый свободный вечер. Знакомство с городом он решил начать с известного всему свету кабачка Ауэрбаха, который на поверку оказался фешенебельным рестораном, где подавали изысканные яства, а кельнеры, чувявшие иностранца за километр, были предупредительны до холуйства. С помощью обера Дитер с трудом отыскал свободное место и, усевшись, осмотрелся. Прямо перед ним сидела очаровательная девушка, с которой он не замедлил познакомиться. Девушка представилась студенткой. Она была начитанна, остроумна, мила, и он предложил ей разделить с ним трапезу. Она согласилась. После нескольких рюмок русской водки и пары бокалов отличного местного пива Дитер почувствовал, что влюблен. С каждой новой рюмкой девушка все более хорошела. И она действительно была красива. Таких небесных созданий в Лейпциге в эту пору года всегда бывало навалом. Проститутки социалистической Германии и Польши с Чехословакией в придачу съезжались сюда к началу ярмарки на заработки.

Девушка обошлась с Дитером в полном соответствии с нравами и традициями представительниц древнейшей профессии. Когда он после бутылки шампанского, увенчавшей ужин, пригласил ее в машину, где окончательно забалдел, она обчистила его до нитки. Паспорт и техническую документацию не тронула. Они были ей ни к чему...

Ранним утром следующего дня наш агент Гендель, возвращаясь домой после ночного дежурства, обратил внимание на голубой «фольксваген», захавший одним колесом на тротуар и словно бы уснувший в крайне нелепой позе. Гендель служил в криминальной полиции. Он был шустрым сметливым малым. Такой псевдоним выбрал не потому, что любил музыку, а потому, что обожал свою хорошенькую жену, торговавшую грампластинками в музыкальной лавке.

Обнаружив за рулем «фольксвагена» мертвецки пьяного Дитера, агент отогнал машину к своему полицейскому, а задержанного уложил спать в кладовой, предварительно изъяв у него все документы, после чего позвонил мне и попросил срочной встречи. Я знал, что Ген-

дель зазря не поднимет человека с постели, поэтому без лишних слов оделся и поехал к нему. У агента было возбужденно-приподнятое настроение. Он чувствовал, что подцепил стоящую рыбину.

– Конечно, – пустился я в рассуждения, выслушав Генделя, – фирма очень интересная, и нам не помешало бы иметь там своего человечка. А что, он сильно пьян?

– Тотально!

– Значит, ничего не помнит?

– Не должен помнить ничего.

– Ты, когда он очухается, дай ему кофе с бутербродом, а потом допроси по всем правилам. С протоколом. Скажи, что он задавил человека. Дай почитать соответствующую статью Уголовного кодекса. О реакции немедленно проинформируй меня.

Задержанный оказался простодушным до наивности. Он как на духу поведал Генделю о том, что долгое время был безработным, а теперь принят на фирму с испытательным сроком и что ему придется регулярно навещать ГДР с целью профилактики установленного им оборудования.

После подписания протокола допроса агент швырнул на стол перед Дитером снимок трупа, раздавленного тяжелым грузовиком.

– Разве ты не помнишь, что натворил ночью?

– Боже мой! Кто это?

– Ты убил человека.

Рядом со снимком Гендель положил раскрытый УК ГДР. Нужная статья была подчеркнута карандашом. Несчастному парню светил чудовищный срок.

Дитера бил озноб. Он плакал, причитая:

– Спасите меня! Помогите мне, господин офицер!

– Ничего не могу поделать, – хмуро отвечал Гендель, напялив на свою полицейскую физиономию маску сострадания. – Однако мне по-человечески жаль тебя... Попробую позвонить кое-кому. Возможно, тебе и помогут, если ты не будешь дураком.

Выйдя в соседнюю комнату, он коротко доложил мне по телефону:

– Парень спекся.

– Сейчас буду, – ответил я...

Это была самая быстрая вербовка в моей оперативной практике. Написав обязательство о сотрудничестве с советской разведкой, Дитер спросил:

– Вы подсунули мне ту шлюху?

– Клянусь честью, нет!

– Она была так похожа на студентку.

– Разве студентка не может быть шлюхой? Кстати, не кажется ли тебе, что она подсыпала какой-то дряни в твой бокал с шампанским?

– Это не исключается. Но нет худа без добра. Мой опыт общения с женщинами теперь настолько богат, что пора подумать о женитьбе.

Дитер рассмеялся. Он радовался тому, что стал не зэком, а всего лишь шпионом. Я дал ему денег под расписку, поставил первое задание, оговорил условия связи и отпустил его с миром.

Он сотрудничал с нами около года. Вначале отношения наши были несколько натянутыми, потом же все пошло как по маслу. От него поступала стоящая документальная информация из объекта нашей заинтересованности. Я всякий раз при встречах выплачивал ему денежные вознаграждения. Небольшие, правда. Один из моих многочисленных начальников говаривал, что на советской разведке никто не разбогател. Дитер принимал деньги охотно и даже стал планировать свой личный годовой бюджет с учетом этих сумм. Вообще-то многие немцы не рассматривают шпионаж как нечто постыдное. Это для них дополнительный зара-

боток, разновидность шабашки. Шпионаж стал шабашкой и для граждан новой России, о чем свидетельствует астрономическое число дел, реализованных нашей контрразведкой. Это из-за размытости понятия «Отечество» и поклонения тому самому мефистофелевскому золотому тельцу.

Погубила Дитера опять-таки женщина, точнее, прелестная и очень порядочная девушка из хорошей бургерской семьи. Он встретил ее на зимнем курорте под Гармиш-Партенкирхеном в Баварских Альпах и сразу влюбился без памяти. Она ответила ему взаимностью. Дело стремительно шло к свадьбе.

Однако Дитер не хотел, чтобы у него были какие-либо тайны от любимой. За несколько часов до венчания он, глядя в прекрасные серые глаза невесты, признался ей, что является русским шпионом. Девушка отреагировала мгновенно и беспощадно:

– Я не выдам тебя, но твоей женой не буду никогда.

– Стой! – отчаянно крикнул он, но она ушла, часто цокая каблучками.

Дитер вернулся в свою холостяцкую квартиру, наполнил шампанским бокал, швырнул в шипучее вино горсть снотворных таблеток, выпил все залпом и повалился ничком на диван...

Люди много судачат о том, что есть счастье. Для меня же этот вопрос давно решен. Счастье – это когда человечество больше не будет нуждаться в таких, как я.

Запрос

Оперативные сотрудники спецслужб очень любят направлять запросы в различные инстанции, однако чужих запросов исполнять не любят, ибо исполнение запросов, порой совершенно рутинных, отвлекает от работы с агентурой и ведения дел. Получив запрос, любой опер прежде всего стремится сбавить его кому-то из сослуживцев, а уж если это никак не выходит, чертыхаясь, принимает злополучную бумажку в свое производство.

Мне не удалось сбавить запрос в отношении Ведерникова, и я, ругаясь, расписался в его получении. Пришел на свое рабочее место, бросил раздраженный взгляд на замшелую от времени и эпох черепичную крышу бывшей офицерской столовки бывшего военно-инженерного училища, крышу, изрядно намозолившую глаза, несмотря на то что именно под ней была подписана капитуляция Германии, – и стал читать шифровку. Из документа следовало, что некий Ведерников Борис Семенович, 1910 года рождения, пенсионер, обивает пороги военкоматов большого русского города и требует присвоения ему звания Героя Советского Союза на том основании, что он в годы войны якобы возглавлял движение Сопротивления в крупнейших концентрационных лагерях на территории Германии. В Ризентале руководил восстанием заключенных, которые разоружили охрану и удерживали лагерь до подхода наших войск. Попав в окружение в 1942 году, он, будучи политруком, воспользовался документами убитого бойца Красной армии Кудрявцева Николая Ивановича и в плену находился под этой фамилией. Центр просил подтвердить или опровергнуть эти сведения, прибегнув к помощи немцев, которым в свое время были переданы архивы службы безопасности рейха и СС.

Надо сказать, что сотрудники ведомства Кальтенбруннера к моменту штурма их цитадели, соседствовавшей с Рейхстагом, успели многое из своих архивов эвакуировать на запад, а многое сожгли, так что рассчитывать на быстрый и легкий успех не приходилось.

Немцы оказали мне посильную помощь. Они выложили несколько десятков томов с различными материалами по кацетам, где имелись и списки участников Сопротивления. Я работал по вечерам и к исходу третьего вечера раскопал двух Кудрявцевых. Против одного из них была карандашом поставлена галочка. Подобными галочками были помечены некоторые фамилии в каждом списке. Я на всякий случай выписал всех помеченных в свой блокнот и спросил у старичка архивариуса, что могли означать эти птички.

– Кто ж его знает, – ответил архивариус. – Может, это были руководители групп, а может, осведомители гестапо. Какая теперь разница? Все они стали дымом крематориев.

– Осведомители-то, положим, не стали, – проворчал я. – Ну что ж, и на том спасибо. Возьмите ваши фолианты. Еще раз благодарю за оказанную поддержку.

– А знаете что, – вспомнил вдруг старичок. – Тут у нас живет один фрукт. Служил в гестапо, занимался, между прочим, кацетами, а потом сам угодил в ваш ГУЛАГ. Отмотал огромный срок и строит теперь социализм в новой Германии. Хотите поговорить с ним?

– Конечно, хочу!

Он поковырялся в каких-то бумагах и выудил из них нужный адрес.

На следующее утро я отправился в деревушку Ленин, спрятавшуюся в грибных лесах у самого Потсдама. Ленин читается с ударением на последнем слове и не имеет никакого отношения к вождю мирового пролетариата. Тут произрастают самые большие и красивые во всей Германии тыквы. Желтые, розовые, голубые, оранжевые, зеленые, полосатые, они покоятся на крышах, свисают со стен и заборов, поддерживаемые деревянными подпорками, горделиво возлежат на огородных грядках и надменно возвышаются над цветами палисадников. Среди этих тыков и коротал свой век бывший гауптштурмфюрер, а по-нашему старший лейтенант СС Бруно Кнайзель. Вопреки моим ожиданиям, этот неприметный человек предпенсионного возраста принял меня весьма радушно.

– Очень рад, очень рад! Я десять лет помогал в Сибири советским чекистам. Мы вместе разоблачили немало врагов мира и социализма из числа бывших нацистов.

– Вы были нашим агентом?

– Да. Хотите пива? Или, может быть, чего-нибудь покрепче?

– Спасибо. Я за рулем. Но от бутылки минеральной воды не отказался бы.

Мы уселись в саду под старой яблоней. Кнайзель налил себе пива, а мне плеснул минералки.

– Ну и что же привело вас ко мне? – спросил он на чистейшем русском языке и тут же рассмеялся, прочитав удивление на моем лице. – Я из фольксдойчей. Меня взяли в гестапо из-за того, что я владел русским. Знаете, иногда в нашей работе лучше без переводчика. А ведь мне приходилось иметь дело преимущественно с военнопленными.

– Вы обслуживали концлагеря?

– Да.

– Меня интересуют сведения о деятельности антифашистов-подпольщиков в кацетах.

– Группы движения Сопротивления? Разумеется, они возникали повсеместно, однако мы успешно противостояли им.

– Каким образом?

– Путем внедрения в эти группы агентуры.

– Этой агентурой руководили вы?

– Я работал с наиболее ценными источниками.

– Назовите их.

– Лилиенштайн, Клюге, Краус, Вальтер, Марианна.

– И кто же был самым удачливым?

– Несомненно, Краус. Талантливейший актер! А как он говорил! Когда Краус появлялся в бараке, послушать его сползались даже полуживые из самых дальних углов! Он быстро создавал группу, сдавал ее нам, и мы тут же переводили его в другой лагерь, но уже под новой фамилией. Таким способом мы быстро избавлялись от наиболее активных.

– Какова судьба этих наиболее активных?

Кнайзель развел руками.

– Вы же взрослый человек!

– Да, очевидно, мой вопрос неуместен. А почему вас не повесили?

Кнайзель обиделся:

– Лично я никого не убил. Отсидел положенный срок, перековался. Теперь я совершенно иной человек.

На его пиджаке блистали почетный знак Общества германо-советской дружбы, значки ударника социалистического труда, члена Объединения свободных немецких профсоюзов, общества «Спорт и техника». Немцы обожают всевозможные значки и носят их на самых видных местах.

– Не помните фамилии Крауса?

– Коллега, с тех пор прошло тридцать пять лет, сотрудники спецслужб, как вам известно, быстро забывают фамилии своих агентов. Клички же помнят всю жизнь... А знаете, кто заложил меня, когда кончилась война? Тот же Краус! Опознал в толпе военнопленных. Я скромно стоял у русской полевой кухни с миской в руках, одетый в форму простого солдата. И вдруг слышу: «Хватайте фашистского гада!» Я сразу сказал русским, что он предатель, но они не поверили. Ведь он подбил людей на бунт в ризентальском лагере. В его поведении было что-то истеричное. Я понимаю: он ненавидел меня. Но работал честно. Жить хотел и знал, что его проверяют через таких же, как он.

– Значит, фамилии не помните? «Краус» по-немецки «кудрявый». Может быть, Кудрявцев?

– Может быть. Нет. Не помню.

– У него не было особых примет?

– У него были густые черные вьющиеся волосы, короткие ноги, короткое туловище и вот такая голова!

Тут Кнайзель похлопал по лежавшей рядом тылке.

– Больше ничего?

– Могут быть шрамы на лице. В Заксенхаузене его сильно избивали заключенные. Видимо, заподозрили неладное. Но это сыграло нам на руку. В следующем лагере он появился уже в ореоле жертвы гестаповских палачей.

– Сколько лет ему было?

– Думаю, где-то около тридцати пяти.

Я откланялся и уехал в Берлин. Скажу честно, что ни одного запроса в жизни я не исполнил с таким рвением.

А как же Ведерников? Он скоропостижно скончался в приемной управления КГБ, когда ему сообщили собранные мною сведения. Пал жертвой собственного негодяйства и маразма. Награда нашла своего «героя».

Фестивальная ракета

Погожим летним днем 1973 года Михаил Трошин, сотрудник отдела научно-технической разведки советской резидентуры в Берлине, которая скромно именовалась Представительством КГБ в ГДР, пришел к берлинскому Алексу⁷ и сел на скамейку против фонтана «Нептун» – великолепного произведения искусства, сверкавшего на солнце своими струями, струйками и каскадами. Мимо Трошина текла вся красота мира – то был день открытия Всемирного фестиваля молодежи, и страны земли прислали в Берлин самых хороших своих девушек. Это был подлинный парад образчиков национальной красоты. Сидя в тот день у фонтана, Михаил чуть не забыл, зачем он здесь. А целью его была встреча с агентом с Запада. Тот запаздывал, видимо, застрял в автомобильной пробке у КПП на границе между двумя Берлинами. Но вот наконец и он – высокий нескладный парень с лицом храброго портняжки и с расхлябкой в движениях, не свойственной большинству немцев. Он походил на героя сказки многих европейских народов не только внешностью, но и беспощадностью нрава, что дало Трошину повод присвоить ему при вербовке псевдоним Шустер. Это слово хоть и переводится как «сапожник», но созвучно русскому «шустрый». Шустер пёр прямо на Трошина, не проверяясь и выражая всем своим видом радость по поводу предстоящей встречи. «Идиот, – подумал Михаил, вставая и поворачиваясь спиной к агенту, чтобы тот по дурости не заключил его в объятия. Держась в нескольких метрах друг от друга, они направились к сорокаэтажному небоскребу отеля «Штадт Берлин», вместе вошли в лифт и только на двадцать седьмом этаже, в номере, дали волю своим чувствам.

– Почему не следуешь инструкциям?! – напустился Трошин на агента.

– Ах, Михаэль, – оправдывался Шустер, – сегодня фестиваль. Кому я нужен в такой день? Он был отчасти прав, поэтому Трошин сменил гнев на милость:

– Ладно, садись, закусим, чем бог послал, да заодно и поговорим.

– Закусывать некогда, – возразил агент. – У меня для тебя сюрприз, Михаэль. Я тебе ракету привез.

– Что?! Какую еще ракету?! Кто тебе ставил такое задание?!

– Это ПТУРС. Наиновейшая модель. Такого шанса нельзя было упускать.

– Где ракета?

– В моей машине, на заднем сиденье. Я закутал ее в плед.

– Как ты прошел пограничный контроль?

– Ну какой сегодня контроль? Там колонны машин по три километра. Пограничники едва успевают проверять паспорта. А таможенники вообще стоят опустив руки. Ракету надо завтра до 8.00 вернуть на склад. Осталось восемнадцать часов. Бен просит за нее пятнадцать тысяч.

– Кто такой Бен? Ты мне раньше о нем не рассказывал.

– Это мой новый американский друг. Негр. Черный, как вакса. Если мы не отдадим ему ракету в срок, то у него будут крупные неприятности. Мне добираться до места с учетом границ и пробок шесть часов...

Еще год назад Герхард Штайнбеккер даже в состоянии глубочайшего опьянения не мог вообразить, что станет агентом советской разведки. Он работал барменом в казино на американском военном объекте и был предвоенен своим положением на социальной лестнице, хотя американцев в общем-то недолюбливал за их пренебрежительное отношение ко всем неамериканцам, нахальство и хвастливость. Тем не менее водил дружбу с янки, потому что у тех было много денег и дармовой жратвы. Они приходили к нему домой всегда со своими бутылками и закусками. То ли их привлекала его смазливенькая жена Ютта, то ли возможность расслабиться

⁷ Алекс – площадь Александерплац.

в домашней обстановке. В последний из дней рождения Ютты они напились до белых слонов втроем с сержантом Юджином Брэдли. Наутро, продрав глаза, Герхард увидел отвратительную картину: его жена, сладко посапывая, спала в объятиях сержанта. Оба были абсолютно голые. Он пинками молча растолкал их.

– Прости, Герхард, – говорил Юджин, одеваясь, – но она меня буквально изнасиловала. Я звал тебя на помощь, но ты был мертвецки пьян. Я не мог с ней совладать. Погляди-ка, что она натворила!

Тут сержант указал на искусанные мелкими зубами плечи и грудь.

– Проваливай!!! – заорал Шустер.

Оставшись наедине с женой, он как рачительный хозяин не стал портить очаровательный Юттин фасад, а сел на стул, положил Ютту животом вниз на свои колени, поднял с пола изящную туфельку и, держа ее за каблук, крепко, с оттяжкой врезал неверной супруге подошвой по мягкому месту. Она заорала и завизжала, но он врезал еще и еще. У него и в мыслях не было разводиться с ней, он любил ее. Простые парни по-простому разбираются со своими женами.

Однако с тех пор Шустер затаил зло на янки. Навязчивая идея нагадить им не оставляла его. Посетив однажды дядю в ГДР, он поделился с ним своими мыслями. Дядя был на оперативном контакте у Трошина. Он и свел Михаила с будущим агентом. Завербовался Шустер легко и с желанием. Трошин обрадовался неожиданной удаче, но радость через пару месяцев сменилась тревогой и даже страхом. Шустер оказался практически неуправляемым. Он не слушался оперработника и творил все, что ему на ум взбредет. Однажды он привез на встречу личные документы американского офицера, которые выкрал из кармана плаща в своем казино. Трошин терпеливо растолковал ему всю нелепость его поступка и объяснил, какой опасности он себя подвергал. Шустер кивал и заверял, что больше такое не повторится. Ему было поставлено несложное проверочно-тренировочное задание съездить во Франкфурт-на-Майне и изучить оперативную обстановку в окружении одного из американских объектов. Это было общежитие, в котором обитали холостые сотрудники франкфуртского филиала ЦРУ. Он должен был также запомнить несколько номеров автомашин, парковавшихся у этого здания, и посмотреть, какой там режим охраны. Проболтавшись вокруг общежития, Шустер убедился в том, что оно вообще не охраняется, если не считать единственного солдата, сидевшего в вестибюле. За его спиной висел ящик с ячейками для входящей корреспонденции. Дождавшись, пока все сотрудники уедут на службу, а солдат выйдет на улицу поболтать с друзьями, агент вошел в вестибюль, выгреб из ящика все письма, сунул их за пазуху и был таков.

Неожиданному подарку очень обрадовался отдел внешней контрразведки. Еще бы! Получить десятки адресов сотрудников ЦРУ в Штатах и узнать их семейные тайны – такое случается не каждый день. Трошин же пребывал в шоке. Он накричал на Шустера, поугубил его отнюдь не уютной западногерманской тюрьмой и пригрозил прекращением сотрудничества. Агент божился, что впредь будет паинькой. И вот теперь эта ракета!..

Начальник Трошина полковник Пригарин отнесся к выходке Шустера спокойно.

– Эка невидаль, – сказал он, рассматривая маркировку ПТУРСа. – У меня в Гамбургском порту «леопард» стоит под мусором. Не знаю, как его незаметно погрузить на наш корабль. Когда ж я все-таки доставлю танк в Ленинград, мой московский куратор получит орден Боевого Красного Знамени, а я – благодарность... Однако ракета действительно новехонькая. Пиши срочную шифровку в Центр. Проси санкцию на пятнадцать тысяч баксов, а я поговорю по ВЧ кое с кем, чтобы тебе сделали в Москве зеленую улицу. Полетишь через полтора часа немецким спецрейсом. Скажи командиру охранного полка, чтобы его солдаты сколотили подходящий ящик.

Пригарин не врал насчет «леопарда». Холодная война была в разгаре, и бывшие союзники крали друг у друга все, что плохо лежало или стояло.

В 16.30 Трошин взмыл в небо на личном самолете лидера гэдээровских коммунистов. Ящик с ПТУРСом стоял рядом. Кроме Михаила, в самолете не было никого. Этот самолет гоняли пару раз в неделю порожняком в Москву и обратно, чтобы экипаж не забыл дорогу в столицу великого восточного друга.

От Берлина до Москвы два часа лета. Из Внукова Трошина на машине с мигалками за сорок минут домчали на другой конец города, в Тушино, где в конструкторском бюро какого-то почтового ящика его уже ждали люди в белых халатах. Ракету бережно положили на стол, а Михаилу предложили удалиться. Он взглянул на часы. Было около половины восьмого вечера. Пока все шло по графику. Когда один из белых халатов вышел покурить, Трошин спросил, почему его попросили выйти.

– А чтоб не мешал.

– Там есть что-нибудь интересное?

– Конечно. Топливо, судя по цвету и структуре, содержит новые компоненты. Очевидно, у этого топлива более высокий импульс горения. Интерес представляют также система наведения, ну и еще кое-какие мелочи. Впрочем, мы идем примерно тем же путем, что и противник, и нам было важно узнать сегодня, что путь наш правильный.

В половине девятого Михаил занервничал и постучал в дверь, за которой происходили демонтаж и сборка снаряда.

– Знаете, – сказали ему, – мы сломали одну небольшую деталь. Сейчас в мастерской при КБ изготавливают точно такую же.

– Из нашего материала?

– Обижаете. Из американского. В Греции все есть.

– На последний рейс Аэрофлота я уже опоздал. Боюсь, что опоздаю и на последний рейс Интерфлюга.

– Не бойтесь, потому что, скорее всего, так оно и случится.

– Вы с ума сошли! Ракета должна быть в Берлине не позднее двух часов ночи.

– Не стоит так волноваться. Что-нибудь придумаем.

В 21.30 улетел в Берлин последний борт Интерфлюга. В эту самую минуту Трошина попросили пройти к машине, ожидавшей у входа в КБ. Ракета уже лежала на заднем сиденье, завернутая в плед Шустера.

– Мы не стали упаковывать ее, – объяснили Михаилу. – Знаем, что вам дорога каждая минута.

Дальше все шло как в хорошо смонтированном боевике: автомобиль, выписывающий сумасшедшие виражи между мрачными корпусами гигантского предприятия, погруженного в сон, трава, полегшая от ветра, поднятого винтами вертолета, какие-то люди в комбинезонах, длинная узкая взлетно-посадочная полоса, врезанная в лесной массив, и ровный гул военного транспортника, уносящего Трошина на запад.

Пригарин встретил его у трапа самолета и отвез в своем «опеле» в Берлин. В одном из темных переулков они перегрузили ПТУРС в машину Шустера. В это время часы на башне городской ратуши пробили половину второго.

– У тебя есть еще полчаса, – сказал шеф. – Прощайся с ним, а я подожду за углом.

Трошин протянул Шустеру блокнот и ручку.

– Зажги свет в салоне, – попросил он. – А теперь пиши: «Я, такой-то, получил от советской разведки пятнадцать тысяч долларов для вручения военнослужащему армии США...» Как его зовут, твоего негра?

– Бенджамин Франклин Китс. Его назвали так в честь какого-то их президента или ученого. Не знаю точно.

– Хорош Франклин, нечего сказать! Пиши дальше: «... Бенджамину Франклину Китсу за передачу советской разведке образца новой военной техники». Распишись и число поставь не забудь... Пересчитай деньги.

– Я тебе верю, Михаэль.

– Деньги пополам поделите?

– Не думаю, что он отдаст мне половину, но на пять тысяч рассчитываю.

– Сукин ты сын. А я-то думал, что ты работаешь на нас из неприязни к янки.

– Неприязнь неприязню, а денежки денежками.

– Передай своему черному приятелю, что я желаю ему мягкого электрического стула.

А тебе вот что скажу: убирайся к чертовой матери и чтоб глаза мои тебя больше никогда не видели. Я сегодня из-за тебя постарел на десять лет и не хочу, чтобы в случае твоего провала, а ты непременно провалишься, все газеты мира писали бы обо мне как о последнем придурке.

– Не надо истерик, Михаэль. Я понимаю, что у тебя был трудный день, но это не повод для разрыва наших отношений. Я приеду на Рождество. Какое будет следующее задание?

– Никакого! Один хрен, ты все сделаешь по-своему.

Трошин выругался, выскочил из машины, громко хлопнул дверцей и пошел прочь.

Добравшись до своей берлинской квартиры, он выпил стакан водки и ничком плюхнулся на кровать. Однако спасительный сон не шел к нему. Он поднялся и выпил еще. Потом распахнул окно и выглянул наружу. Все берлинское небо было расцвечено чудесными сполохами фестивального фейерверка. Ракеты, рассыпаясь на тысячи огней, медленно опадали и гасли в лучах занимающейся утренней зари.

Через пару месяцев к очередной праздничной дате Пригарин получил за операцию «Ракета» орден Красной Звезды. Трошину была объявлена благодарность.

Письмо

История, которую я хочу рассказать, началась в середине 60-х годов в Германии, а закончилась через десять лет в краях совсем иных.

Я, молодой оперработник разведки, принимал дела у моего сослуживца Жени Чекмарева, завершавшего загранкомандировку. Женя, по-немецки Ойген, был битым-перебитым, прошедшим огонь и медные трубы старшим опером. Мне еще только предстояло стать таким.

Мы сидели друг против друга у открытого окна, вдыхая запах цветущих акаций, потягивая колу и приводя в порядок секретную документацию, которая подлежала передаче. Было жарко, несмотря на то что между нами гудел, как аэроплан на бреющем полете, огромный старинный вентилятор, взятый в сорок пятом в качестве трофея.

Женя спешил и, поругиваясь, один за другим быстро заполнял бланки постановлений о сдаче в архив «дохлых» разработок. Мне спешить было некуда.

Зазвонил телефон.

– Послушай, чего они там хотят, – попросил Женя, не поднимая головы от бумаг.

Немец, представившийся Якобом, просил соединить его с Ойгеном. Я сказал об этом Жене, прикрыв трубку ладонью.

– Он уже в архиве, – ответил мой коллега. – Пьянь, бесперспективен. Скажи ему, что я умер.

– Как?! – изумился я. – Ведь он может встретить тебя в городе.

– Тем лучше. Сообразит, что с ним не хотят встречаться.

– Должен огорчить вас, – сказал я в трубку, старательно вплетая в свой голос нотки печали. – Ойген скончался сегодня на рассвете.

– Mein Beileid!⁸ – горестно завопил Якоб после некоторой паузы. – Когда и где похороны?

– Ойген завещал похоронить его на родине.

Якоб прокричал еще несколько фраз, содержание которых было чрезвычайно лестным для безвременно покинувшего нас товарища по общей борьбе, и повесил трубку.

Вечером того же дня после трудов праведных и неправедных мы с Ойгеном отправились поужинать в подвальчик «У Марты», который местное население за его мрачноватую тесноватость именовало не иначе как «Крышкой от гроба». Несмотря на полное отсутствие комфорта, подвальчик пользовался у аборигенов необычайной популярностью. Возможно, причиной тому была жена хозяина – высокая статная красавица Брингфрида, разливавшая пиво и шнапс у стойки.

Я расправился с боквурстами-сардельками, выпил одно пиво и заказал другое, полюбился Брингфридой, почитал готические надписи на стенах, посудачил с Ойгеном о том о сем и хотел было закурить, но тут внимание мое привлек полный краснолицый мужчина лет тридцати пяти, сидевший в дальнем углу с недопитой кружкой в руке. Он смотрел в нашу сторону, нет, он смотрел на Ойгена, и по лицу его блуждали то мистический ужас, то радость, то грусть с обидой.

– Почему тот тип уставился на тебя? – поинтересовался я.

– А это и есть Якоб. Видимо, он рассчитывает на восстановление с ним связи, но такого не произойдет. С того света не возвращаются.

Мне стало неловко перед нашим бывшим агентом, и я предложил закончить ужин в «Баварском дворе», где, по слухам, сегодня подавали не пошлые боквурсты, а жареные колбаски-кнакеры. Мы ушли из подвальчика, и вскоре я надолго позабыл о Якобе.

---

⁸ Примите мои соболезнования.

Случилось так, что через много лет мне пришлось снова отправиться в Германию. На этот раз я возглавил небольшую резидентуру. Ту самую, в которой начинал опером.

Снова стояло жаркое лето. Снова цвели акации. Только трофейные вентиляторы были заменены новыми, малогабаритными, жужжавшими тихонько, как пчелки, нагруженные медом. И снова раздался телефонный звонок, без которого этот рассказ не имел бы ни конца, ни смысла. Звонил сотрудник гэдээровской контрразведки Шумахер.

– Послушай, – сказал он после обмена приветствиями. – Тут к нам явился какой-то подозрительный тип асоциального вида. От него разит мочой и водкой. Тем не менее он настырно требует, чтобы его срочно связали с кем-нибудь из советских разведчиков. На всякий случай мы посадили его в каталажку. Если он тебе интересен, приезжай.

– Сейчас буду, – ответил я, доставая из кармана ключи от машины.

В приемной следственного изолятора мне указали на пожилого, неряшливо одетого мужчину с лицом, заросшим рыжей щетиной, и мутными глазами неопределенного цвета. От него действительно нехорошо пахло.

– Рот фронт, геноссе! – радостно воскликнул он, завидя меня.

– Рот фронт! – неуверенно ответил я. – В чем дело?

Субъект заговорщически подмигнул мне и вытащил откуда-то из-за пазухи грязный измятый конверт.

– Что это? – спросил я, брезгливо взяв письмо двумя пальцами.

– Когда-то твой коллега Ойген говорил, что, если в мой почтовый ящик будет опущена какая-нибудь корреспонденция из-за рубежа, я должен немедленно передать ее оперработнику.

На конверте стоял штемпель далекой азиатской страны, отношения с которой у нас были традиционно недружественными.

– Вы с нами сотрудничали? – спросил я.

– Да.

– Ваш псевдоним?

– Якоб. Я тебя помню. Ты пил с Ойгеном пиво в «Крышке от гроба». Твой приятель обошелся со мной как свинья. Но я выше личных обид. Для меня долг и честь кое-что значат.

Немцы любят говорить напыщенно, и это иногда делает их смешными. Однако в данном случае мне было не до смеха. И если бы я к тому времени не разучился краснеть, то краска стыда залила бы меня по самые уши. Так вот оно что! Оказывается, адрес Якоба был дан для конспиративной связи кому-то из наших закордонных агентов или кадровых разведчиков-нелегалов. Видимо, как запасной вариант. И если наш источник воспользовался им через столько лет, значит, у него не было другого выхода. Это был последний шанс! Но почему же Ойген не сделал отметки об этом в деле Якоба? Боялся, что в таком случае дело не позволят сдать в архив, а работать с пропойцей не хотел.

Я не стал вскрывать конверт, поскольку знал, что безобидный бытовой текст письма наверняка содержит только посвященному понятные условности. В тот же день письмо улетело в Москву, а через некоторое время из Центра пришла короткая шифровка с указанием выплатить Якобу солидное денежное вознаграждение. Я понял, что письмо было архиважным, и стал соображать, как использовать премию во благо Якобу, который по причине пьянства давно остался без жены и без работы. Для начала велел ему помыться и сходить в парикмахерскую, потом повез агента в соседний город, где нас никто не знал, и там мы вместе одели его с ног до головы во все новое. Якоб в одночасье превратился из бомжа в симпатичного мужчину средних лет, благоухавшего хорошим одеколоном. Мне захотелось пригласить его в ресторан на ужин, что я и сделал.

Вскоре удалось устроить Якоба на работу в нужное место, и от него стали поступать интересные наводки на иностранцев. Якоб ожил, подтянулся, стал уверенным в движениях и суждениях. Осознание собственной значимости придало его облику солидность и респектабель-

ность. Агент бросил пить, к нему вернулась жена. Он сотрудничал со мной несколько лет, и мы расстались большими друзьями.

Прошло еще много-много времени, и однажды в холле здания Ассоциации ветеранов внешней разведки ко мне подошел незнакомый человек моего возраста, который весело, словно старого сослуживца, приветствовал меня.

– Простите, я вас не знаю, – холодно ответил я, вглядываясь в его лицо.

– Савченко. Бывший полковник бывшей советской разведки. Конечно, мы незнакомы. А ведь когда-то вы вытащили меня из каменного мешка и, возможно, спасли мне жизнь. Они грозили посадить меня на кол, если я не сдам свою агентуру и радиста. Чтобы отправить то письмо, пришлось отдать надзирателю два золотых моста. Следователь никак не мог сообразить, почему это я вдруг начал шепелявить, а когда сообразил, было уже поздно... Меня обменяли на еврейского диссидента.

– Историю с вашим обменом я помню по газетным публикациям. Но о каком письме идет речь?

– Ну как же!

И тут Савченко назвал адрес и фамилию Якоба.

Уже за чаем я сказал ему:

– По сути дела, вы ничем не обязаны мне. Вас выручил простой немецкий пропойца, который, несмотря ни на какие жизненные обстоятельства, всегда оставался человеком и помнил, что такое честь и долг.

Русская рулетка

Башир приехал из Америки. У него был широкий длинный галстук с пальмами и обезьянами и, когда он наклонялся над столом, чтобы взять еду, кончик галстука касался пола. А в остальном Башир почти во всем походил на своих родственников, собравшихся в доме его брата Алихана для чествования заморского гостя. Многие из этих людей родились уже после того, как Башир покинул родину. А покинул он ее в сорок четвертом году вместе с немцами, у которых служил в составе Северо-Кавказского национального легиона⁹. СКНЛ активно использовался в карательных акциях, но мы рассудили так: если бы руки Башира были в крови, он не отважился бы поехать в Россию. Поэтому было решено не ковыряться в недрах его прошлого с целью извлечения оттуда посадочных компроматов, а повести разработку совсем в ином плане. Старший сын Башира Руслан заканчивал Гарвардский университет – alma mater американских разведчиков и высокопоставленных чиновников. Он представлял для нас несомненный интерес, и к приезду Башира мы приготовили для него и Руслана кое-какую наживу. За противоположным от американца торцом стола сидела, застенчиво опустив глаза долу, девица неопикуемой красоты. Это была троюродная племянница Башира Мадина, а по совместительству агент Нефтегорского управления КГБ Бэла.

Бэлу завербовал я, когда она еще училась на последнем курсе женского педагогического училища. Заведение это, порога которого никогда не переступала нога ни одного мужчины, а только при этом условии истинные горцы отпускали своих дочерей на учебу в город, готовило учительниц начальных классов для небольших школ, открытых в отдаленных горных аулах, где эти девушки могли преподавать что угодно – от арифметики, чистописания, физкультуры, рисования и пения до истории с географией и двух языков в придачу, родного и русского.

До сих пор не пойму, почему Мадина пошла на вербовку: то ли от темноты, то ли от привычки во всем слушаться мужчину, особенно если этот мужчина официальное лицо. Работать с ней на конспиративной квартире было чрезвычайно трудно. Я из кожи лез вон, чтобы как-то расшевелить ее и увидеть наконец, какого цвета у нее глаза, а она молча сидела передо мной, сжавшись в комочек, и я не вдруг понял, что она боится во мне не сотрудника спецслужбы, а особь противоположного пола. Эта прелестная дикость начинала выводить меня из себя, и я уже подумывал о том, что после отъезда Башира сдать ее в архив как брак в собственной работе. Но Башир неожиданно клюнул на Бэлу, да еще как клюнул! Прожженный, не однажды женатый сорокасемилетний сукин сын без памяти влюбился в девчонку, которой едва исполнилось восемнадцать.

Чтобы не навлечь на себя гнева родни, он умело маскировал свои чувства, придавая им шутейный вид, но, оставаясь с Мудиной наедине, раскрывался полностью. Девушка грозила пожаловаться отцу, и тогда он утихомиривался, но ненадолго. И только в день отъезда говорил с ней спокойно, серьезно и с некоторым оттенком печали. Сказал, что от имени всей своей семьи приглашает ее в гости и необходимые документы вышлет сразу же по возвращении домой, в Америку. Обещал даже оплатить дорогу в оба конца. Мадина, не высказав в этой связи особой радости, вежливо поблагодарила американского дядю и, простившись с ним, отправилась в Нефтегорск на встречу со мной.

Честно говоря, мы не очень-то верили, что Башир всерьез намерен пригласить ее в Нью-Йорк, где жила его семья и где он владел небольшим кавказским рестораном. Но через пару месяцев приглашение все-таки пришло, и это заставило нас задуматься над тем, что делать с Бэлой дальше. Как женщина она была дика и неопытна, как агент – сыра и не обучена.

---

⁹ Северо-Кавказский национальный легион – небольшое воинское формирование, созданное немцами преимущественно из горцев Северного Кавказа.

– Знаешь, что она будет делать в Америке? – рассуждал мой многоопытный шеф Петр Иванович Погодин. – Спрячется в день приезда под юбкой у жены Башира, а в день отъезда оттуда вылезет, помашет ручкой родственникам и улетит. И тем не менее Башир даже в такой ситуации сумеет лишить ее невинности. А ведь нам что нужно? Нам нужно, чтоб в нее влюбился Руслан, причем влюбился намертво, навеки, с перспективой женитьбы на ней.

Петр Иванович протер очки и вдруг спросил:

– Ты где намерен провести отпуск?

– В Кисловодске, в нашем санатории.

– Вот и хорошо. А ее мы в это же самое время отправим в один из кисловодских пансионатов. Ты будешь встречаться с ней каждый день в непринужденной обстановке, ходить в театр, в кино, в филармонию, в кафе, ездить на экскурсии, ну и все такое прочее. Твоя задача сделать из дикарки цивилизованную девушку, знающую себе цену и умеющую постоять за себя. Она должна перестать бояться мужчин и держаться с ними как равная с равными. Мужчин надо не бояться, а любить.

Последнее было сказано уже так, за кадром, а я понял, что мой отпуск накрылся, и уныло побрел на свое рабочее место...

Мы с Бэлой прибыли в Кисловодск с интервалом в один день и встретились, как и было обусловлено, у Стеклокчанной струи.

– Сними косынку! – сказал я вместо приветствия. – Ты находишься на территории Ставропольского края, где обычаи адата не в моде.

Она сняла косынку и спрятала ее в сумку. Этого платочка она не снимала во время занятий в школе. У нее были чудесные волосы: густые, мягкие, шелковистые. Позже я узнал, что они всегда теплые, даже в непогоду. Я внимательно оглядел Мадину. На ней было очень дорогое, очень закрытое и очень длинное платье. Шею украшали крупные красные бусы. В мочках ушей поблескивали сережки кубачинской работы – единственная вещь, которая ей шла. Губы, щеки, брови и ресницы девушки носили следы активного применения макияжа.

Это счастье, что в то время в Кисловодске жила моя двоюродная сестра Наташа, молодая женщина одного роста и одной комплекции с Мадinou. Я отвел Бэлу к Наташе и сказал:

– Сестра! Сделай так, чтобы мне не было стыдно путешествовать с этой девушкой по Кавминводам. Поделись с ней кое-какими вещичками из своего гардероба. И вообще поработай над ее обликом. За это ты получишь вот такую коробку конфет «Птичье молоко» и торт того же названия.

– Ой, какая красавица! – пискнула Наташа, взглянув на Мадину.

Улучив удобный момент, она спросила шепотом:

– Ты что, собираешься жениться на ней?

Я покачал головой.

– Все мужчины подлецы, – заметила Наташа и принялась усердно отрабатывать свои конфеты и торт.

Через полчаса я получил из ее рук очаровательное существо неопределенной национальности, но вполне определенного пола. И тут я впервые увидел глаза Бэлы, потому что она подняла голову и улыбнулась мне. И сразу стало ясно, почему восточные поэты сравнивают глаза своих красавиц со звездами, хотя черных звезд не бывает: их глаза теплы и лучисты, как южные звезды.

– Что будем делать с ее волосами? – спросила Наташа. – Для хвоста их слишком много, косы – примитив, резать жалко. У нее профиль Дианы. Может быть, сделать все, как у римской богини?

– А если оставить в свободном падении? – предложил я.

– Простоволосая ходить не буду! – резко возразила Мадина.

Она впервые не согласилась с мнением мужчины. Решили сделать как у Дианы, и вышло совсем неплохо.

Интересно, из каких соображений исходил старый хрыч Погодин, поручая воспитание прелестной девушки молодому парню? Возможно, он рассчитывал на то, что я и Мадина будем руководствоваться в наших поступках исключительно чувством гражданского долга? А может быть, ему как раз и нужно было, чтобы из его затеи вышло то, что вышло: мы с Мадриной влюбились друг в друга. Вначале наши отношения носили характер то ли нежной дружбы, то ли легкого флирта. Мы посещали все заслуживающие внимания зрелищные мероприятия и чинно рука об руку прогуливались по достопамятным местам Кавминвод. Я останавливался перед каждым зданием, интересным с точки зрения архитектуры, перед каждой мемориальной доской, перед каждым бюстом, перед каждым памятником и рассказывал, рассказывал, рассказывал, а она слушала и спрашивала, спрашивала. С удивлением я обнаружил, что природа наделила мою спутницу глубоким острым умом и очень цепкой памятью. То, что попадало в ее голову, оставалось там навсегда.

Прорыв в наших отношениях произошел во время совместной экскурсии к Замку коварства и любви. Это небольшая гостиница с рестораном, построенная еще при царе в ущелье реки Аликоновки и отлично вписывающаяся в скальный ландшафт. Поужинав, мы взобрались на самую высокую из скал и огляделись. Местечко было что надо. Вокруг торчали поросшие кое-где лесом и кустарником обрывистые желтовато-серые утесы, над которыми уже сияла золотисто-серебряным светом ущербная луна и одна за другой вспыхивали звезды.

Внизу поблескивала заблудившаяся среди валунов речка-форелька, темнел переброшенный через нее мостик, ведущий к замку, откуда доносились шум и музыка. Стояла середина августа, но из ущелья тянуло бодрящей прохладой. Воздух был так чист и прозрачен, что его хотелось пить длинными глотками, как животворную влагу из источника вечной молодости.

– Ты знаешь, почему замок носит такое название? – спросил я у Мадриной.

– Нет. Расскажи!

– Много лет тому назад в городе жили юноша и девушка, которые очень любили друг друга. Однако родители не позволяли им жениться. Почему – не помню. Тогда влюбленные решили броситься в пропасть с этой скалы. Они поднялись сюда, и юноша, недолго думая, прыгнул и разбился, а девушка испугалась. Она вернулась в город и вскоре вышла замуж.

– Какая дрянь! – возмутилась Мадина.

– А ты могла бы прыгнуть в подобной ситуации?

– Одна – нет, с тобой – да!

Она, как кошка, вцепилась в мою руку и шагнула в бездну. Свободной рукой я быстро обхватил тонюсенькую талию девушки и с трудом удержал ее от падения со стометровой высоты. Да и сам едва удержался. Некоторое время мы стояли молча, крепко обнявшись.

– Ты ненормальная, – сказал я.

– Поцелуй меня, – прошептала она.

Я поцеловал ее в голову.

– А в кино целуют в губы.

Губы у нее были сухие и холодные, как у мраморной статуи.

– Фу! – поморщилась Мадина. – Ничего приятного в поцелуе нет. Мне больше нравится, когда ты обнимаешь меня и ласкаешь мои волосы.

Я понял, что в ней еще не проснулась женщина и она не позволит мне преступить границу дозволенного. Когда мы возвращались в город, она спросила:

– Почему ты хочешь выдать меня замуж за чужого парня?

– Это нужно нашему государству.

– Лучше укради меня и увези куда-нибудь далеко-далеко, буду тебе хорошей и верной женой.

– Дурочка ты. Если я украду тебя, меня найдут через неделю и посадят, а тебя замордуют родственники. Нет уж, поезжай лучше в Америку, но не забудь вернуться.

– Чихать я хотела на твоё государство! – заявила Мадина. – Почему я должна любить его, если оно заставляет меня делать то, чего я не хочу, что мне противно и отвратительно... Но я сделаю это ради тебя. Я знаю, что это нужно тебе.

Я поцеловал её глаза и почувствовал, что они мокрые от слез... После нашего возвращения в Нефтегорск Погодин отправился на контрольную встречу с Бэлой и остался предоволен.

– Можно выпускать! – сказал он. – Подготовь ей письменное задание.

Потом подозрительно взглянул на меня и спросил:

– Ты что с ней сделал?

– Того, о чем вы подумали, не было! – обозлился я.

– Ладно, ладно, не пыли...

Прощаясь со мной, Мадина проплакала насквозь мои пиджак и рубашку.

– А как ты узнаешь о моей жизни в Америке? – поинтересовалась она.

– Из твоих писем к родителям. Пиши чаще и подробнее.

– Вы читаете все письма?

– Ещё чего не хватало! Мы читаем только письма людей, нас интересующих.

– А как же тайна переписки?

– Но ведь мы никому не рассказываем о содержании чужих писем.

– Вы жулики и прохиндеи, – сказала она и снова заплакала, а в заключение, поднявшись на цыпочки, робко поцеловала меня в щеку.

На другой день Мадина улетела, и в течение последующих трех лет я узнавал все новости о ней только из её писем к родителям. Новости были разные: и ничего не значащие, и жуткие, и радостные.

Сначала все развивалось по плану. В семье Башира её приняли как родную, окружили вниманием, осыпали подарками. Руслан активно занялся с ней английским языком. Он проводил с Модиной почти все свободное время, показывая ей Нью-Йорк с окрестностями, и, видимо, всерьез увлекся ею. А Башир ревновал. Тяжелая страсть стареющего мужчины вгоняла его в злую тоску, возбуждала в нем ненависть к собственному сыну. В одном из писем девушки я нашел строки, обращенные ко мне: «Женщина должна умело пользоваться своей красотой. В противном случае красота принесет беду и ей, и окружающим её людям. Лермонтова погубили две смазлившие девицы. В час ссоры с Мартыновым он сидел рядом с одной из них и рисовал в её альбом карикатуру на своего приятеля, а Мартынов любезничал с другой, стоя поблизости. Злая шутка Лермонтова долетела до слуха Мартынова. Он подошел к Лермонтову и сказал: “Мишель, сколько раз я просил тебя не острить в мой адрес при дамах!” “Что ж, ты на дуэль меня вызовешь из-за этого?” – засмеялся Лермонтов. “И вызову!” – ответил Мартынов. Два молодых парня петушились перед девчонками, а те не пытались помирить их. Им было приятно, что ради них ссорятся мужчины. В итоге мир потерял великого поэта». Мадина слово в слово пересказала то, что говорил ей я на месте дуэли Лермонтова с Мартыновым, и я понял, что обстановка вокруг неё складывается тревожная. Трагедия разразилась в день рождения Руслана. В самый разгар пиршества Башир позвал сына в одну из подсобок своего ресторана, в котором происходило празднество, и предложил Руслану сыграть в русскую рулетку...

– А что это за игра такая? – спросил Руслан.

– В неё играли пьяные русские офицеры. Судьбу испытывали. Зарядят револьвер одним патроном, раскрутят барабан, и револьвер к виску. Так все по очереди. Бывало, что после игры кое-кого и недосчитывались. Но зато какие острые ощущения! Какая закалка духа!

– Дурость это! – сказал Руслан.

– Ты просто боишься! Вот посмотри! Ничего страшного в этом нет.

Башир достал из ящика стола кольт, зарядил его одним патроном, засунул дуло в рот, раскрутил барабан и нажал на спуск. Раздался сухой щелчок.

– Вот видишь! Ничего со мной не случилось. Теперь ты попробуй.

Он протянул сыну револьвер и патрон.

– На кой дьявол мне это нужно! – возмутился Руслан.

– Трус!

Руслан побледнел от обиды. Он зарядил револьвер, раскрутил барабан и приставил оружие к виску.

– Лучше в рот. Так надежнее.

– Хорошо.

Грохнул выстрел. Мозги Руслана повисли на потолке подсобки. Вообще-то никто не знал, о чем на самом деле говорили отец с сыном и сколько раз они заряжали револьвер. Может быть, они договорились испытывать судьбу до конкретного результата...

Мадина покинула ресторан, как только узнала о гибели Руслана. Она шла куда глаза глядят. В сумочке ее не было ни цента. Однако девушке с внешностью кинозвезды пропасть в Штатах не так-то просто. Не успела она пройти и двухсот метров, как ее забрал в свой «паккард» друг и сокурсник Руслана Стив Блэкфилд, сын одного из богатейших людей Америки. Через месяц он женился на ней, а еще через месяц после скоропостижной кончины отца стал наследником огромного состояния. Когда новая фамилия Мадины замелькала в светской хронике Соединенных Штатов, когда ее фотографии появились на обложках иллюстрированных журналов, когда ее письма заполнились поросычьими восторгами по поводу богатств мужа, перечислением тряпок и драгоценностей, подаренных им, описанием раутов, на которых она блистала в этих тряпках и драгоценностях, мое начальство махнуло на нее рукой.

– Спеклась девка! Она не вернется никогда, – сказал мой шеф и велел сдать дело на агента Бэлу в архив.

Один я знал, что Бэла обязательно вернется...

Прошло три года. За это время я женился на милой девушке из хорошей интеллигентной семьи, и у меня родилась дочь Оленька. Я перестал читать дурацкие письма Мадины и снял ее с почтового контроля. Красавица Бэла потихоньку уходила из моей жизни, и образ ее таял в дымке прошлого. Но вдруг...

Однажды утром мне позвонил из ОВиРа¹⁰ знакомый офицер МВД и предупредил о том, что интересующая меня гражданка США по имени Мадлен Блэкфилд намерена прибыть в Нефтегорск по частным делам в период с 1 по 20 апреля 1972 года. У меня екнуло сердце. Господи! Так это же Мадина!

– Ага! – сказал я Погодину, входя к нему с этой вестью. – Бэла приезжает.

– Не спеши радоваться, – ответил мой шеф. – Не исключено, что визит ее обусловлен лишь желанием плюнуть тебе в морду.

– И все-таки я хотел бы встретиться с ней.

– Встретиться надо обязательно. Порой на свете случаются удивительные вещи.

Прибыв в Нефтегорск, Мадина сняла самый дорогой интуристовский люкс, и я мысленно обругал ее: в этом номере останавливались именитые иностранцы, и он был обставлен всеми видами оперативной техники. Она позвонила мне в день приезда, голос ее был тих и спокоен, будто и не прошло этих трех лет. Мы договорились, что я зайду к ней в семь вечера. В назначенное время я толкнул дверь в ее люкс и замер на пороге гостиной: передо мной стояла очень знакомая и совсем чужая юная женщина блистательной красоты. Она молчала, слегка откинувшись назад, опустив руки и затаив на губах загадочную манящую улыбку. В конце концов я сообразил, что надо обнять и поцеловать ее. Когда мы поцеловались, у меня даже дух захва-

---

¹⁰ ОВиР – Отдел виз и регистрации МВД.

тило: уж чему-чему, а целоваться она в Америке научилась. Мадина кулачками оттолкнула меня, подошла к входной двери, заперла ее, вынула ключ и выбросила его в окно.

– Ну и что ты теперь станешь делать? Начальнику пожалуешься? Или жене?

Она держалась уверенно, раскованно, была иронична и чуть-чуть кокетлива. Светскость вошла в женщину-горянку и растворилась в ней, став ее второй натурой. Но и прежняя Мадина, легкая, трепетная и горячая, как огонек свечи, продолжала жить в ней. И я понял, что прежнюю Мадину она сохранила в себе для меня, а поняв это, решил остаться у нее. Я подошел к столику, сервированному на двоих, взял самую большую рюмку, наполнил ее коньяком и выпил залпом. Будь что будет! Пускай старые девы из оперативно-технического отдела, цокая языками от возмущения и зависти, пишут на магнитную ленту нашу с ней любовь. Пускай меня выгонят с работы в соответствии с нормами ханжеской нашей морали. Пускай!

Утром я встал пораньше, принял душ, оделся, поцеловал спящую Малину и собрался уйти, но тут вспомнил, что уйти не могу, так как номер заперт.

– Ключ в столе, – сонным голосом сказала Мадина, которая, оказывается, все время подглядывала за мной. – Какой же ты ненаблюдательный! Я выбросила в окно ключ от шифоньера. И еще там лежат три тетради. Это мой дневник. Я писала его для тебя и прятала в тайнике, который соорудила сама. Там подслушанные мною беседы и высказывания представителей американской элиты. Их имена знает весь мир. Когда они собираются в узком кругу, то напиваются, как скоты, и сорят секретами, бахвалясь друг перед другом своей осведомленностью. Другой дневник я веду для мужа. Он регулярно просматривает его и остается предвоенен моей глупостью. В Америке я создала себе имидж красивой дуры, поэтому меня там никто не остерегается и все меня любят.

– Так вот почему так изменились твои письма!

– Ну да! Я подумала, что если ты читаешь их тут, то там их тоже кто-нибудь читает...

Войдя в кабинет Петра Ивановича, я понял, что ему уже все доложили. Лицо его было каменным.

– Вот бегунок, – сказал он. – Сдай документы, оружие, удостоверение, ну и что там еще, и через три часа чтоб духу твоего в управлении не было. Тетрадки Бэлы оставь мне.

Я взял бегунок, положил на стол дневник Мадины и пошел выполнять указание начальника. Придя домой, завалился спать. В семье знали, что после ночного дежурства мне положен суточный отдых. Однако через три часа я был поднят с постели Погодиным. Уже во дворе, где стояла его машина, он вернул мне служебное удостоверение, объяснив при этом, что меня решили не выгонять со службы, а объявить строгача за аморалку и вычеркнуть из наградных списков. Я незадолго до этого был представлен к медали «За боевые заслуги».

– Дневникам Бэлы нет цены, и мы завтра же отошлем их в Центр для анализа, – продолжал Петр Иванович, – но с ней ты больше работать не будешь. Ее надо передать на связь другому оперработнику.

– Кому же?

– Мне.

– Хорошо, – тут же согласился я, смеясь в душе.

Я знал, что Мадина ни с кем, кроме меня, работать не станет. Так оно и вышло. А вскоре из Москвы пришла шифровка, предписывающая передать Бэлу на связь в нашу нью-йоркскую резидентуру. И тут снова вышла осечка.

– Я согласна работать в Штатах только с ним, – заявила Мадина, тыча пальчиком в мою сторону. – В противном случае катитесь ко всем чертям!

– Но он не знает английского языка. Человек, не владеющий английским, не может жить и работать в Америке.

– Пускай выучит. Я же выучила.

Меня на полгода отправили в Москву на интенсивные курсы английского языка. И вот сегодня, 27 декабря 1972 года, я с женой и дочерью лечу в Америку под крышу нашего генконсульства в Нью-Йорке. Лечу, чтобы работать с ценным источником Бэлой.

Не исключено, что когда-нибудь мы с Матиной сядем на электрический стул за шпионаж и умрем вместе, взявшись за руки. Впрочем, возможны и другие варианты. В разведке, как в русской рулетке: надо только удачно раскрутить барабан.

Память

4 октября 1995 года я с утра пораньше отправился на станцию метро «Полежаевская», где купил три розочки, и, радуясь тому, что заплатил за этот хилый букетик всего пять тысяч, поднялся из подземного перехода на проспект Маршала Жукова. Прошел метров сто пятьдесят до небольшого сквера по правой стороне проспекта и остановился. Вот он и памятник. Хороший памятник. Рихард идет навстречу ветру, засунув руки в карманы плаща. Лицо его сурово, сосредоточенно. А за спиной шумит улица его имени, галдит ребяшня в школьном дворе. Говорят, есть в той школе мемориальная комната, где хранятся его личные вещи, подаренные детям последней спутницей Рихарда – японкой Исии Ханako. А был еще теплоход «Рихард Зорге». Я сам некогда совершил на нем путешествие по Волге и Дону от Москвы до Ростова и обратно. Рихард был бы доволен, доживи он до ста лет. Родина его матери и его родина достойным образом почтила память своего сына, которого не слишком привечала при жизни. Так часто бывает. И не в одной России.

Ну а как же сегодня? Вспомнит ли о нем Россия в день его столетия? Или, может быть, я один во всей Москве пришел к нему со своими жалкими розочками?

Я приблизился к памятнику и ахнул. Пьедестал был буквально засыпан цветами. Тут лежали и скромные одинокие гвоздики, и целые букеты хризантем, стояли вазы, полные цветов.

Подшли совсем молодые офицеры во главе с молодым полковником. Наверное, это были слушатели какой-нибудь академии. Они тоже возложили цветы к цоколю памятника.

– Что, отец, служил вместе с ним? – спросил у меня полковник, и в голосе его мне почудилась насмешка.

– Нет, я не служил с ним. Когда его казнили, мне было всего десять лет. Но я был знаком с его сподвижниками.

Полковник оживился:

– Вы что же, разведчик?

– Бывший.

– Как интересно! Расскажите об этих людях моим слушателям.

Ну что им рассказать, этому молодому незнакомому племени? Станут ли они слушать меня? А воспоминания уже налетели и замелькали, закружились в памяти, как осенние листья...

– Хорошо, я расскажу... В шестидесятых годах, в период моей первой заграничной командировки, мне довелось встречаться с человеком, имя которого навсегда вписано в анналы нашей разведки. Этот человек неоднократно выступал с воспоминаниями перед сотрудниками окружного управления МГБ ГДР и перед нашим коллективом. Нас было мало, поэтому беседы его с нами носили совершенно непринужденный, доверительный характер. Радист Рихарда Зорге в Шанхае и Токио Макс Кристиансен-Клаузен был в то время вполне крепким коренастым пожилым человеком, любившим пропустить рюмку-другую хорошего коньяку. Он одевался со вкусом и носил аккуратный пробор седеющих волос. Мы старались не утомлять его расспросами, но кое-что из него все-таки выуживали.

– Как вы познакомились со своей женой? – спросил однажды кто-то из нас.

Видимо, этот вопрос вызвал у него какие-то приятные ассоциации. Он засмеялся, покачал головой и стал рассказывать:

– Это было очень давно. В двадцатые годы. Меня направили в Шанхай радистом к Рихарду. В мои задачи входило, в частности, поддержание связи с Хабаровском. Мне вручили радиостанцию, занимавшую огромный чемодан. Вот так-о-о-й! Теперь смешно, а тогда лучшего агрегата свет не знал. Прибыв на место и устроившись на постой в недорогой гостинице,

нице, рекомендованной мне Центром, я попытался развернуть станцию в номере и, к своему ужасу, обнаружил, что не хватает места для антенны. Между тем приближалось время сеанса связи. Единственным выходом было протянуть антенну в комнату, расположенную надо мной. Я уже знал, что там живет премиленькая одинокая девушка, финка по национальности, работающая какой-то шанхайской фабрики. Пошел к ней знакомиться. Она меня, конечно, сначала выставила. Так было принято в то время. Потом ничего, впустила. Я-то был в те годы парень хоть куда! Вскоре Анна стала моей женой. И до сих пор ею является. Всю жизнь помогала мне во всем. Начиная с той антенны.

– Как же вы сразу доверились ей?

– Так и доверился. Интуицией понял, что не продаст. У нее уже тогда было исключительно правильное классовое сознание. Рабочая косточка!

– Расскажите что-нибудь о Зорге.

– Да-а-а... Что же я должен рассказать?.. Рихард был заметный человек... Высокий стройный шатен с голубыми глазами. Всегда живой, энергичный. Блистал остроумием и эрудицией... Успех у женщин... Любил быструю езду на мотоцикле. Обладал завидным здоровьем, уникальным сердцем. Это сердце продолжало биться, когда Рихарда вынули из петли. Вот как! А вообще не то я говорю... Надо было, наверное, начать с того, что он был гением, имел ум ученого-аналитика и у него все получалось, за что бы он ни брался... А сила убеждения! Рихард мог почти любого убедить в правоте нашего дела. Он таких людей привлек к сотрудничеству, что историкам это всегда будет казаться немыслимым. Ведь к сорок первому году мы имели не резидентуру, а самую настоящую разведывательную организацию, насчитывавшую тридцать пять человек. Впрочем, именно наша многочисленность, возможно, и погубила нас. То же было с «Красной капеллой». В разведке нельзя так... В конце концов противнику удалось внедрить в нашу резидентуру провокатора.

– Вы лично часто выходили на связь с Центром?

– Очень часто. И оставался в эфире подолгу. За три последних года в Японии я передал в Центр около шестидесяти пяти тысяч слов. Вы, специалисты-профессионалы, должны понимать, что это такое. Очевидно, здесь кроется вторая причина нашего провала. Правда, мы сначала не знали, что японцы закупили в Германии партию пеленгаторов. Когда узнали, было уже поздно. Сейчас техника позволяет выстреливать в эфир за считанные мгновения несколько страниц информации. Мы о таком и мечтать не смели.

– Вам нравилась эта работа?

– Нет. Эта работа не может нравиться нормальному человеку, ибо она противна человеческому естеству. Но я выполнял ее на совесть, поскольку она была необходима для победы нашего дела... Я – пролетарий. У меня хорошие руки. Они мне были даны для того, чтобы я делал ими нужные людям, полезные вещи... После Шанхая мы с Анной жили в Заволжье, недалеко от Саратова. Нам там дали дом с участком. Меня взяли на МТС механиком. Колхозники ко мне с большим уважением относились: я ведь что угодно починить мог. Зарплату хорошую положили. Нам там понравилось. Решили: останемся в этих местах навсегда. Начали обзаводиться хозяйством. Но вот однажды вызвали нас и велели срочно ехать в Москву к товарищу Берзину. Мы, разумеется, сразу сообразили, в чем дело. А через несколько месяцев я уже передавал из Токио первую шифровку Рихарда.

– Как вас завербовали?

– Никто меня не вербовал. Один из заместителей Тельмана по партии сказал, что я должен ехать в Советский Союз и что там я буду служить в разведке Красной армии. Для меня это была огромная честь.

– Какой же приговор вынес вам японский суд, товарищ Макс?

– Я был приговорен к пожизненному заключению. Анна – к семи годам. Однако сидеть пришлось не так уж долго: в сорок пятом американцы выпустили всех оставшихся в живых

из тюрьмы. Деловые люди! Сразу предложили работать на них. Мы, само собой, отказались и попросили немедленно передать нас советским властям...

В 1977 году я познакомился в Берлине на одном из приемов с легендарной Соней (Рут Вернер), которая была содержательницей явочной квартиры Рихарда Зорге в Шанхае, а затем работала в Польше, Швейцарии, Англии. Ей довелось побывать и радисткой, и рядовым агентом, и руководителем нелегальной резидентуры. В 1946 году связь с ней внезапно прекратили. Двадцать три долгих года таинственно молчала родная советская разведка. И вот в 1969 году, когда Рут уже жила в Восточном Берлине, ее вдруг пригласили в наше представительство. Рут охватило волнение. Радость сменялась тревогой. От этих ребят можно ждать чего угодно, думала она. В представительстве ей в торжественной обстановке вручили второй орден Боевого Красного Знамени. Первый, под номером 944, она получила из рук Калинина. Рут душили слезы. Она вспоминала тех молодых красноармейцев, которые провожали ее в Кремль в далеком 1938 году, и своих боевых товарищей-разведчиков, которые сгорели в огне невидимого фронта, так и не получив никаких наград, хотя были достойны их более, чем она, и думала о том, что все они, вероятно, полегли на фронтах Отечественной.

Рут Вернер, которой в 1977 году было уже семьдесят, запомнилась мне живой обаятельной женщиной, сохранившей полную ясность ума. От нее я получил на память книгу «Рапорт Сони». На титульном листе своих мемуаров Рут оставила глубокомысленную, чисто немецкую надпись: «Каждый автор при написании воспоминаний испытывает трудности: надо отобрать и обобщить главное, да к тому же еще нигде не наврать. Рут Вернер, 14 апреля 1977 года».

Помнится, и с Максом, и с Соней мы говорили о моральном аспекте разведки и сошлись в одном: джентльменом в разведке оставаться трудно, почти невозможно, хотя какой-то господин из СИС и сказал, что разведка – это грязная работа и потому делать ее должны истинные джентльмены. Разведка – это война. Попробуйте остаться джентльменом на войне. Разведчик воспитан так, что он выполняет свою грязную работу во благо Отечества, во благо людей всей земли. Помните, у Высоцкого: «Грубая наша работа вам дарит возможность... видеть восход»... Этот благородный идеал поддерживает разведчика в его деятельности, не позволяет ему опуститься, стать циником. Разведка – это сплошная ложь, сплошное коварство по отношению к противнику, но разве можно обвинять в коварстве или подлости Ганнибала, устроившего Канн римлянину Паулусу, разве можно обвинять в коварстве или подлости наших генералов, устроивших Сталинград немцу Паулусу?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.